

Власов В. Ф.

Возвращение к себе

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов
Возвращение к себе

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Возвращение к себе / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Наш мир настолько сложен, что иногда мы, проживая жизнь, не совсем понимаем, что с нами происходит. Проходя через разные периоды нашей жизни и пытаясь осуществить некоторые свои нереализованные возможности и желания, мы как бы духовно идём по тропинкам и дорогам параллельной действительности, раздваиваемся и порождаем своих допдельгангеров и двойников. Герой этого романа, увлечённый поиском истины, странствиями и любовью, одновременно проходит три стадии своего становление, и каждый период его жизни даёт ему возможность через новый взгляд на действительность понять истинную ценность жизни.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Власов

Возвращение к себе

Часть первая

Мечта вернуться домой «Покинувший»

Эпиграф

*"Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen,
In diesem Hause wohnte mein Schatz;
Sie hat schon längst die Stadt verlassen,
Doch steht noch das Haus auf demselben Platz.
Da steht auch ein Mensch und starrt in die Höhe,
Und ringt die Hände, vor Schmerzengewalt;
Mir graust es, wenn ich sein Antlitz sehe, –
Der Mond zeigt mir meine eigne Gestalt.
Du Doppelgänger! Du bleicher Geselle!
Was äffst du nach mein Liebesleid,
Das mich gequält auf dieser Stelle,
So manche Nacht, in alter Zeit?"*

Heinrich Heine und Franz Schubert

*Тиха ночь, улицы в своём спокойствии застыли,
Я в этом доме раньше был, с любимой целовался,
Когда-то вместе счастливы и молоды мы были,
Она покинула вдруг город, её дом остался.
Стоит мужчина там, до боли руки он сжимает.
Вверх смотрит, и лицо его страдание являет,
Луна мои черты на его лице освещает,
От вида этого страх в моё сердце проникает.
Двойник мой! Доппельгангер мой! Что о любви ты знаешь?!
Неужто то же самое, когда я был с ней вместе,
Зачем же горю моему ты так же подражаешь,
Что мучало меня в былые дни на этом месте?!»*

«Доппельгангер» Генриха Гейне, а также Франца Шуберта в его «Лебединых песнях»

Учитель спросил: «Сы! Вы думаете, что я изучил многое и всё храню в памяти»? Цзы-гун ответил: «Да, а разве не так»? Учитель сказал: «Нет. Я познаю все с помощью одной Истины».

Конфуций «Суждения и беседы»

Сегодня я вышел из дома и увидел на улице хрустальный шар, висящий прямо в воздухе. Этот шар был чистым, прозрачным и сияющим, он сверкал и отражал лучики утреннего солнца. И он совсем не походил на те блестящие шары, подвешенные к потолку, которые вра-

щаются в танцзалах и пивных, чтобы создать иллюзию перемещающихся по интерьеру звёздочек. Я с удивлением огляделся по сторонам и заметил, что спешащие по своим делам прохожие совсем не обращают на него никакого внимания. Несмотря на то, что я тоже спешил на работу, я всё же остановил одного прохожего более-менее интеллигентного вида и спросил:

– Вы видите этот шар?

Он посмотрел на меня удивлённо и тоже спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Этот шар! – воскликнул я, показав на него пальцем. – Разве вы не видите его?!

Прохожий посмотрел в то направление, как на пустое место, и покачал головой.

– Я ничего не вижу, – сказал он.

– Как же вы не видите? – удивился я. – В нём отражаетесь и вы.

Прохожий извинился и, сказав, что торопится, быстро ушёл. Я остановил женщину, но и она тоже ничего не увидела. Она смотрела куда-то вдаль, как будто ожидала рассмотреть неопознанный летающий объект. Прохожие уже начали смотреть на меня как на помешанного. Тогда я, не привлекая к себе внимания, тихо отправился на работу. Шар следовал за мной на небольшой высоте.

«Где же истина?! – воскликнул я вполголоса. – Если я что-то вижу, а другие не видят, то как это понять?»

– А так, что люди не видят явных вещей, – вдруг сказал мне хрустальный шар чистым женским голосом.

Услышав это, я обомлел и потерял дар речи. А тем временем шар продолжал говорить со мной:

– И ещё, истина заключается в том, что тебе не нужно идти на работу, потому что ты уже на пенсии, и с сегодняшнего дня тебя уволят.

На какое-то мгновение я подумал, что схожу с ума или сплю. Но действительность цепко держала меня в своих объятиях. Я видел проезжающие по улице машины. Дворник, как всегда, нахально подметал мостовую, поднимая пыль на обувь прохожих. А шар продолжал лететь рядом надо мной, лавируя между нависшими ветвями тополей. Я ускорил шаг и опустил взгляд, чтобы не видеть его. Мне нужно было сосредоточиться, взять себя в руки и успокоиться, чтобы отделаться от этой галлюцинации и вернуться в свое прежнее истинное состояние. Да, да, подумал я, нельзя отрываться от реальности, нужно, как можно быстрее, вернуться в неё, и вновь обрести истину. Иначе...

Я смотрел под ноги, боясь поднять глаза.

Да, думал я, меня очень даже могут уволить с работы, потому что сейчас моя истина заключается в том, что я уже не молод. Рассматривая себя в зеркале, я не вижу того красавчика, который когда-то стремился покорить мир. Увы! Мои усы стали седыми, под глазами – мешки, а голова окончательно облысела. Её уже не надо брить, чтобы принять облик буддийского монаха. К тому же, последнее время я вдруг стал слышать странные звуки и голоса. Некоторое время я переживал, потому что не мог понять, что они значат, хорошо это или плохо. Ведь считается ненормальным, когда человек слышит то, чего не слышат другие. Но потом я успокоился. Пришло утешение. По статистике, как прочитал я в каком-то справочнике, пять процентов людей на земле слышат некие искаженные звуки, и многие даже лечатся, чтобы их не слышать. Вот дурачки! Если бы они знали, какой дар снизошёл на них с небес, то радовались бы ему как дети и благодарили Бога. Я даже обрадовался этому, потому что подумал, что во мне пробудились паранормальные способности. Правда, хрустальных шаров я в то время ещё не видел. Я тогда подумал, что все эти шумы – ничто иное, как эхо нашего прошлого, связывающее нас с настоящим, а может быть, даже и с будущим. В этих отзвуках прошлого я различал голоса двух друзей моего детства, с которыми я когда-то отправился в долгий путь познания. Когда-то вместе с ними я составлял единую божественную троицу, как мы себя тогда

называли. Сейчас же я стал Другом Покинувшим. А там на Родине жил по-прежнему Друг Оставшийся, и ещё где-то скитался Друг Странствующий. Все трое мы любили одну девушку, мечту нашей юности. Обо всём этом я даже собирался написать книгу, где хотел изложить свою точку зрения на многие вещи. Я также хотел высказать своё мнение о том, как в этом мире всё увязано между собой, и что практически в мире нет границ, потому что космос един и неделим. Его нельзя разорвать на части, расчленив на отдельные куски. Это мы, люди, в своих головах стремимся всё разграничить. Но как можно разграничить безграничное? Ведь если серьезно задуматься, то мы не знаем, кем являемся, что представляем собой, откуда взялись, и куда уйдём. К сожалению, мы не только не пишем об этом, но даже не задумываемся в этой нашей каждодневной суете, а спешим строить свои пространства, расширяем их границы, стараясь запихнуть себя в так называемую свою самость. Поэтому нам и кажется, что мы живём только в своих границах, очерченных пространством и временем, а всё остальное отделено от нас. Это всё остальное, мы спешим окатегорить в своей философии, которая на поверку является лишь жалкой фикцией, плодом нашего воображения.

Но вот сейчас я вдруг испугался. Одно дело – слышать голоса, и совсем другое – видеть в небе хрустальный шар, который разговаривает с тобой. Да, все эти психологические эксперименты не доводят до добра, так можно и рехнуться или, как говорят, «подвинуться умом». Но что-то я уже слышал об этом хрустальном шаре. Кто же мне о нём говорил? Я попытался напрячь память и вспомнить прошлое. Там, далеко в прошлом этот хрустальный шар уже где-то фигурировал в моей жизни.

К счастью, в моём возрасте я легко вспоминаю прошлое, вернее, картинки из моего прошлого без имён и названий, то, что отложилось на дне моей памяти, потому что единственное, что осталось у меня в жизни, это – моё прошлое. Я полностью овладел этой игрой мнемотехники. Жаль, что мало кто ею пользуется. А ведь это – лучшая машина времени, способная переносить нас в детство, в юные года и в те времена, когда мы были по-настоящему счастливы. Иногда мне казалось, что прошлое связано с будущим, нет, не с тем, в котором я нахожусь, а с тем, которое должно ещё проявиться. Ведь я шёл одним путём. А те, кто, жил когда-то рядом со мной, пошли другими путями. И, может быть, они убежали в будущее намного дальше, чем я. А почему бы и нет? Ведь тот, кто оставил этот мир, живёт уже в другом мире, в который я когда-нибудь ещё приду. Не знаю, правильно ли я мыслил, но мне казалось, что при помощи моей фантазии, я могу заглянуть в будущее. Часто я улетал в будущее и пытался предугадать, что случится после моей смерти. Такой метод даёт мне возможность перемещаться ни только во времени, но и в пространстве. Я даже могу это делать, не выходя из комнаты, лёжа в своей постели. Я поймал себя на мысли, что с какого-то момента я начал одновременно жить в настоящем и прошлом. Конец моей действительности изворачивался и, каким-то чудом, смыкался с моими воспоминаниями.

Сейчас-то я с гордостью могу заявить во всеуслышание, что к концу своей жизни я, наконец-то, овладел категориями времени и пространства в самом прямом смысле. Эта способность порождает в моей душе безграничное ощущение причастности к вечной жизни. После работы, (мне приходится проводить целый день в городской управе), по вечерам я предаюсь моему любимому занятию – переносюсь из одного времени в другое, из прошлого в будущее. Но всё равно, в конце концов, оказываюсь в настоящем.

И вдруг я становился, как будто столкнулся с чем-то невидимым. Хрустальный шар завис надо мной. Я стоял на бордюре тротуара, собираясь перейти оживлённый перекрёсток. Так и есть, вспомнил. Хрустальный шар видела девочка, которая жила в нашем городе и училась в одном классе со мной. Её звали Галей. Это была синеглазая белокурая девочка с длинной косой. Одно время мне казалось, что я был влюблён в неё, и даже признавался ей в любви. То же самое сделали и два других моих друга. Но наша любовь, к сожалению, продолжалась недолго. Я уехал из моего родного городка и забыл о ней. Так вот, однажды ночью я провожал

её во время ночной прогулки на окраине леса. Вот тогда-то всё это и случилось. Произошло что-то невероятное и необъяснимое, и после этого она стала видеть хрустальный шар, а всё вокруг себя – в радужном свете. Но ей никто не поверил. Многие считали, что она водит нас за нос, и даже насмеялись над ней. И она перестала говорить о хрустальном шаре. Она была очень доброй и весёлой девушкой. Интересно, кто же на ней женился: друг Оставшийся, или друг Странствующий? Никого из них я после моего отъезда не видел, и ни с кем не поддерживал никаких отношений. Но хорошо помню, как все втроем мы провожали её со школы домой, благо жили мы все вместе в маленьком городке, где почти все жители знали друг друга. Я думаю, что на ней должен был жениться самый хороший парень из моих друзей. Но кто? И вот здесь я впервые понял, что страдаю склерозом. Прошло сорок лет с того времени, как я покинул мою родину, и я не помнил имён моих друзей, и плохо представлял лицо моей возлюбленной. После окончания средней школы я жил уже в другом городе, и до меня не доходили никакие слухи о них. Живы ли они? Женились ли они? Есть ли у них дети? И что с ними сейчас? Я ничего не знал, как будто что-то начисто отрезало меня от моей родины. Я даже не мог найти всему этому объяснения. Сколько же ей сейчас лет? Она была чуть моложе меня. Вот бы позвонить туда и спросить, как у них дела. Но я даже не знаю номеров их телефонов. Я сравнивал её с разными женщинами, встречающимися мне в моей жизни, но ни одна из них не вошла в моё сердце так глубоко, как она. Она была для меня неким жизненным символом Любви, олицетворяя в себе сразу и Веру, и Надежду, и Любовь. Когда она подала мне однажды яблоко, я назвал её Евой. Но настоящее её имя было всё же Галина, что с греческого переводится как Покой и Тишина. Рядом с ней мне было всегда спокойно, как будто я пребывал в своём собственном доме. Она всегда была девушкой моей мечты. Моя Ева, Вера-Надежда-Любовь, моя несравненная Галина. Но были и такие времена, когда судьба как будто закрывала передо мной эту страницу и налагала на неё печать забвения. Но почему так происходило? Этого я не знал. Что же случилось? Ведь я уехал неспроста из своего родного города. Кажется, я не хотел тогда жениться, хотя и любил эту девушку. Но почему? Может быть, потому что тогда я не мог обеспечить ещё нашу совместную жизнь? Уехал и начисто вычеркнул её из своей жизни, как и своих друзей детства. Начал новую жизнь на пустом месте. И прожил её беззаботно и скучно, как незапоминающийся сон. Всё проспал, заспал даже все свои воспоминаия. Разве может быть такое, что человек не может вспомнить даже имён своих друзей? Говорят, что человек иногда не может вспомнить даже своего имени. Значит, такое бывает. Что же такое память? Может быть, память и есть жизнь? И если нет памяти, то и жизни, вероятно, нет.

Загорелся зелёный свет на светофоре, я перешёл дорогу и вошёл в сквер.

Воспоминания моего детства и юности нахлынули на меня приятной ностальгической волной. Я часто вспоминал свою родину. Но вот только воспоминания о моей жизни получались какими-то ленточными, как будто это была своего рода лемниската, где концы перевёрнуты и сомкнуты. В ней периоды жизни, пробегаая перед моим внутренним взором, прокручивались подобно киноленте, составленной из лоскутков разных периодов моей жизни. Я заново переживал свои радости и огорчения, ошибки и прозрения, поиски смысла жизни и обретения счастья. Там когда-то в прошлом я начал создавать своих кумиров, а затем безжалостно свергал их с пьедесталов. Именно там и тогда я начал поиски новых ценностей, отличающихся от той морали, что всегда навязывалась нам и всему обществу политиками и сильными мира сего. И всё это происходило в погоне за Истиной, такой призрачной и неуловимой, похожей на прекрасную девушку, которая дарит нам свою улыбку, радостный смех, а затем ускользает от нас. Перед моим внутренним взором вдруг возникло смеющееся лицо Галины. Как помню, она всегда улыбалась мне доброй и ласковой улыбкой. Боже! Сколько у меня было девушек, но все они не походили на неё, поэтому и ускользали от меня, так как у меня не было большого желания их удерживать возле себя. Наверное, поэтому я и остался в конце моей жизни

одиноким. То же самое случалось и с Истиной, которую я даже в конце моей жизни никак не мог ухватить и сделать своей.

М-да, именно так оно и было. Я с сожалением констатировал, что так и не познал высшую Истину, хотя гонялся за ней всю свою жизнь, также, как и не обрёл истинную любовь. Но возможно, всё это когда-то было, и прошло мимо меня лёгкой дымкой, как утренний туман. А может быть, я проигнорировал её, когда она хотела открыться передо мной во всём своём сиянии. Так же как мы не замечаем утреннего солнца, спеша на работу. А вот ложные цели я принимал за истинные. Но в глубине моего сердца всё же до сих пор теплилась надежда, что когда-нибудь я достигну этой цели. И истина и любовь вернуться ко мне снова. И я ещё переживу радость познания от озарения, которое снизойдёт на меня, и поможет познанию высшей мудрости.

Я, горько улыбнувшись, остановился возле фонтана в центре сквера. Фонтан не функционировал, но бассейн был заполнен водой. На водной поверхности отразился светлым пятном мой хрустальный шар.

«Полно тебе, – сказал я сам себе, разглядывая себя в отражении водной поверхности, – о какой любви может идти речь, посмотри на себя. Ты уже старик, и всё ещё на что-то надеешься. Но ведь рано или поздно открывается Истина и приходит любовь. М-да, истина прийти может, но вот любовь? Разве что очень запоздалая. Все мои прежние подруги стали уже старухами. Если они ещё живы. Ну и что? Иногда даже в стариков влюбляются молодые девушки!» Я улыбнулся, и на этот раз не согласился со своим внутренним голосом. «Ладно, поживем, увидим, – сказал я себе и пошёл дальше. – Только бы не помешала этому моя смерть».

Однако, я поймал себя на мысли, что последнее время всё больше начал сомневаться в том, что когда-либо умру. По правде сказать, я, вообще, никогда не верил в существование самой смерти. Это, наверное, привилось мне ещё со времен, когда я жил на родине. Там принято было считать, что смерти не существует. Такой уж жил там народ. И ни потому, что они открыли какой-то секрет бессмертия. Настоящим секретом бессмертия, вероятно, владеет только Всевышний, и он вряд ли когда-либо поделится им с нами. Но мои земляки считали, что бессмертие не является тайной, ибо оно заложено в самом человеке. Наверное, поэтому там каждый, желающий обрести его, а попутно и гармонию в своей жизни, любой ценой стремился поверить во всё, что угодно, принимая на вооружение любую теорию бессмертия, которая ему попадалась под руку. А многие в этих устремлениях доходили до настоящего безумия, хватаясь за идею бессмертия, как утопающие за соломинку. И к чему это приводит? Ведь люди всё равно куда-то исчезают. Может быть, они меняют миры. Надоест им жить в одном мире, они переселяются в другой. Для этого, наверное, и созданы природой определённые механизмы их перемещения. Во всяком случае, в моём городке для этого существуют яблоневые сады, где можно забыться и переместиться в другое измерение. Но об этом я бы не хотел вспоминать. Однако меня всегда занимала мысль: все ли живущие на земле люди получают это бессмертие? И каково соотношение между этой их надеждой и реальностью? Ведь недаром говорят в народе: надежда умирает последней. Однако она всё же умирает вместе с человеком.

Я посмотрел на небо. Оно было безоблачным, солнце окрашивало его в августовские светло-синие тона прохлады приближающейся осени. Была пятница. Вечером я мог уже уехать на дачу. Разве можно покинуть этот прекрасный мир? И как я могу уйти из него, оставив всю эту красоту?! Я даже представить себе этого не мог. Поэтому я и повторял себе много раз: «Я бессмертен. Меня никогда не одолеет смерть. Я буду жить вечно». Может быть, в тайне своей души, я боялся смерти, как и многие мои земляки, боящиеся умереть. Поэтому они и придумали эти яблоневые сады, в которых можно было перемещаться из одного измерения в другое.

Я вышел из сквера, перешёл по «зёбре» площадь и вошёл в здание моей управы. Охранник кивнул головой, приветствуя меня, и не заметил шара, который влетел со мной в двери,

сжавшись до небольшого размера. Он был уже похож на яркую шаровую молнию, но никто из моих сослуживцев не обратил на него внимания, хотя от его сияния в коридорах, по которым я проходил, и в кабинетах становилось светлее и радостнее. Я дошёл до своего рабочего места и сел за стол, а шаровая молния примостилась в углу нашего кабинета у окна надо мной.

Сергей Андреевич, мой сосед по кабинету, посмотрев в окно на голубое небо, заметил:

– Какой денёк-то! Ни одного облачка! Будет жарко, даже не чувствуется приближения осени. А светло-то как! Всё сияет! Как будто середина лета.

Я не стал его спрашивать, видит ли он мой шар. Сергей Андреевич был приблизительно моих же лет. Недавно он тоже вышел на пенсию. Будучи отцом и дедом многочисленного семейства, он, также как и я, любил по пятницам уезжать на дачу.

– Только бы в воскресные дни погода не подвела, – вздохнув, заметил он. – Что там нам сообщает небесная канцелярия?

Я сказал, что сейчас посмотрю прогноз погоды, и нашёл в Интернете спутниковую метеосводку. На мониторе компьютера наше местоположение на земном шаре определяла дугообразная излучина огромного озера. Она и отделяла место, где я жил в настоящее время, от того места, где когда-то суждено мне было появиться на свет. Там за озером на востоке лежала моя родина. И даже из космоса можно было рассмотреть бетонированную полосу с утолщенным завитком в виде опрокинутой буквы Р аэродрома авиационного завода, где бы я хотел приземлиться из космоса прямо сейчас. Всё пространство было чистым и отчётливо просматривалось. Полоски облаков и туманности лишь окаймляли эту земную картину.

– Дождей не будет, – заявил я, – нам предстоит провести светлые воскресные дни.

Он блаженно улыбнулся и сказал:

– Значит, небесная канцелярия организует нам на выходные хорошую погоду. Это прекрасно, вот только не понятно, как это они так делают.

– Что делают? – не понял я.

– С организацией хорошей погодой, – рассмеялся он. – Вот мы с вами тоже работаем в канцелярии, но у нас всегда завал работы. Если эти документы, – и он кивнул на шкафы, заваленные бумагами, – сравнить с облаками и тучами на нашем синем небе, то у нас каждый год длится нескончаемый период дождей, и никаких просветов, хоть бы раз проглянуло солнце, и мы вздохнули с вами спокойно, и поговорили бы на какую-нибудь отвлеченную тему. Сколько ни трудишься в поте лица, всё равно количество дел не уменьшается, а только увеличивается. Сейчас, чтобы всё разобрать, нам с вами потребовалось бы года четыре. Не мудрено, что люди ходят к нам годами. К тому же, ещё эти неприятные новости.

– Какие новости? – спросил я.

Его лицо приняло настороженную гримасу.

– А вы слышали, – вдруг спросил он меня, понизив голос, – что в нашем департаменте предстоят сокращения? А это значит, что кого-то из нас уволят.

– Меня, – спокойно ответил я.

– Почему вы так думаете? – спросил он, и я заметил, как он напрягся и невольно сделал кадыком глотательное движение.

– Я знаю это, – успокоил я его.

– Откуда у вас такие сведения? – опять спросил он, глядя на меня настороженно.

Я посмотрел на шар и вдруг улыбнулся, сказав Сергею Андреевичу, что у меня есть свои секретные источники информации. Я знал, что Сергей Андреевич не хочет потерять работу, и очень переживает по поводу предстоящего увольнения. Я объяснял себе это тем, что, работая, он как бы показывал свою значимость всему многочисленному семейству, к тому же, уходя на работу, он на какое-то время ускользал из их шумного круга, чтобы отдохнуть в тиши кабинета от крика и гама многочисленных внуков, которых его дети сплавляли им в рабочие дни. Хотя он был со мной почти одного возраста, но всё же боялся, что его уволят за неумение пользоваться

компьютером. Меня же не заботила мысль о том, что я потеряю работу. Этим утром я приобрёл нечто большее, чем работу, которой я занимался уже многие годы.

Приём посетителей ещё не начался, и я подумал, что мне было бы не плохо позвонить кому-нибудь, кто остался на моей родине. Я долго искал хоть какой номер в записной книжке, но ничего не нашёл. Сорок лет минуло с тех пор, как я сжёг все мосты. Выдвинув ящик стола, я стал рыться в грудe ненужного хлама, который никак не решался выбросить. Там я и отыскал старый блокнот, где в самом начале обнаружил запись нескольких телефонов моей родины. Одним из них был телефон отдела кадров строительного управления. Я обрадовался, что нашёл хоть что-то, что связывало меня с моей родиной, и ещё раз похвалил себя за правило – никогда ничего не выбрасывать.

Я набрал номер телефона. Ответил женский голос.

– Что вам нужно? – спросила женщина.

– Я работал на стройке вашего управления в течение пяти лет, – сказал я, – мне нужна справка для подтверждения стажа работы при оформлении пенсии.

– Назовите свои данные и период вашей трудовой деятельности у нас, – сказала она мне. Я сообщил ей все свои данные и время моей работы.

Через некоторое время она ответила:

– Я нашла вашу карточку в архиве, выписку из неё я сделаю и вышлю на ваш адрес. Назовите свой адрес.

Я назвал свой адрес, но мне так хотелось поговорить с ней, что у меня даже перехватило дыхание. Но о чём с ней говорить? Спросить её о моих друзьях или возлюбленной, имён которых я не помнил. Узнать у неё, как изменился городок за сорок лет, но, возможно, судя по её молодому голосу, ей всего может быть двадцать лет. И к тому же, будет ли она разговаривать с незнакомым человеком по телефону, и уж тем более откровенничать с ним в отделе кадров закрытого предприятия.

Я поблагодарил её и положил трубку. Но уже сам факт того, что я услышал голос с далёкой родины, наполнил меня радостным чувством.

Тогда в детстве я был единственным, кто верил в существование этого шара. Но почему шар появился рядом со мной только через сорок лет с тех пор, как я покинул родину. Может быть, в этот день моя возлюбленная перешла в иной мир. Когда её душа находилась на земле, этот шар был рядом с ней. Неужели этот шар и есть её душа? Ведь шар разговаривал со мной женским голосом. Но я давно не слышал её голоса. Да и помнил я о ней из того времени лишь то, когда она была юной девушкой. За это время её голос мог измениться.

Из задумчивости меня вывел голос Сергея Андреевича, который выглянул в коридор.

– Народу в приёмной сегодня необычайно много. Так что предстоит нам потрудиться.

Часы, висящие над дверью, показывали девять часов. Мы с Сергеем Андреевичем начали приём посетителей. Первым посетителем оказалась ухоженная возрастная женщина бодрого вида с пышными пепельными волосами. Глядя на неё, я подумал, вот «божий одуванчик», которому не сидится дома. Сидела бы в своей уютной квартирке, и наслаждалась отдыхом, а не обивала бы пороги казённых учреждений, стоя в очередях в поисках правды и справедливости.

– Ваше дело? – спросил я официальным тоном чиновника

– Видите ли, – перешла она сразу же в наступление, – когда в нашем государстве перестанут твориться безобразия?

Обычно многие посетителя именно так начинали свои выступления. Я спокойно кивнул ей головой и доброжелательным тоном спросил:

– Слушаю вас.

– Мой муж умер год назад, – продолжала она, – я его похоронила. Мы прожили вместе, душа в душу, много лет. Любили друг друга. Так вот я его похоронила. Скопила сбережения, чтобы поставить ему хороший каменный памятник, потому что сама в будущем собира-

юсь упокоиться рядом с ним. И вот буквально вчера прихожу на могилу, и вижу, что рядом с ним похоронен ещё один человек средних лет. Представляете? Это на моё-то место положили какого-то мужика.

– Что, совсем рядом? – спросил я сочувственно, погладив лысину.

– Ну, не совсем рядом, но очень близко.

– И вам не осталось места?

– Место-то осталось, – сказала она, – но как я буду лежать между двумя мужиками? А вдруг этот молодой начнёт приставать ко мне. Что скажет тогда мне мой муж?

Я едва удержал улыбку. Кашлянув в кулак, я спросил её серьёзным тоном.

– А вы допускаете такую мысль, что он будет приставать к вам?

– Судя по его нахальной физиономии, которая изображена на фотографии на памятнике, он при жизни не пропускал ни одной юбки мимо себя.

– Так что вы предлагаете?

– Я предлагаю выкопать его и перенести в другое место, другими словами, перезахоронить. И потом, почему это его похоронили уже на захороненном месте? Почему вы не следите за тем, чтобы не хоронили чужих людей там, где им не положено лежать? Почему никто не советует с родственниками уже похороненных умерших? Не спрашивают нас, можно ли на этой территории хоронить или нет? Почему у нас такой бардак в стране? Если среди живых людей не можете навести порядок, так навели бы его хотя бы среди мёртвых.

Женщина очень разволновалась, её лоб даже покрылся бусинками пота.

– Что хотят, то и воротят, – продолжала она негодовать, – ведь мёртвые в отличие от живых стеснены обстоятельствами, они уже не могут по своему желанию переселиться в другое место, если их что-то не устроит на том месте, где они похоронены. К тому же, нужно учесть, что могила становится для умершего его вечным жилищем.

– Вы полагаете, что умершие живут в своих могилах? – спросил я её, пытаясь перевести разговор на более высокий духовно-эзотерический уровень.

– А где же они живут? – удивилась женщина, разведя руками. – Куда их закапывают, там они и живут.

– А мне казалось, что после смерти все попадают на небо, – слабо попытался я придать нашему разговору духовное направление.

– Кто-то попадает на небо, кто-то – под землю, а кто-то – на дно морское, например, утопленники, которых никто не может поднять оттуда и похоронить по-человечески, – категорично заявила она. – К тому же я не уверена, что кто-то в настоящее время может попасть на небо. Вероятно, небом вы считаете космос. Когда-нибудь придёт такое время, когда космонавты начнут улетать в звёздные пространства и обретать там свои могилы. Пока что нам мешает это делать земное притяжение.

– Вы, наверное, атеистка? – спросил я осторожно.

– А что? Разве плохо быть атеисткой? – спросила старушка и сердито посмотрела мне в глаза.

– Да нет, – поспешно ответил я, – совсем неплохо. Но последнее время, многие, даже учёные, предполагают, что у человека есть душа, которая после смерти возносится на небеса.

– Очередное заблуждение, – раздражённо заявила женщина, – всё это происходит оттого, что многие люди отчаиваются достойно устроиться на земле, и думают, что после их смерти кто-то где-то им сделает что-то лучше. Нет, наше поколение было совсем другим. Мы не верили во всякие небылицы и поповские сказки о какой-то там неизвестно откуда взявшейся душе, которая якобы живёт в человеческом теле. Мы жили сегодняшним днём, без всяких там заморочек, просто и естественно. И если мы чувствовали себя счастливыми людьми, то это счастье было нашим неотделимым состоянием. Мы радовались жизни и наслаждались ею, не ожидая никаких манн небесных. Поэтому мы и прожили яркую и наполненную жизнь, и, прощаясь с

жизнью, мы не будем плакать и сожалеть о том, что чего-то мы недополучили. Мы получили всё, что заслужили. Но хотелось бы, чтобы и после смерти к нам отнеслись с уважением, если не к самим нам, то хотя бы к нашей памяти. Ведь мы, как я считаю, прожили нашу жизнь правильно. Кто-то может осудить наши времена, но, я думаю, что только мы сами имеем право судить о том, правы мы были или нет.

Женщина замолчала, уставившись на потолок. Я тоже поднял взгляд и увидел огненный шарик, сжавшийся до размера теннисного мячика.

– Так что мы будем с вами делать? – спросил я её.

– Я подала в вашу канцелярию заявление по поводу нарушения захоронения на нашем кладбище, – спокойно сказала она, – но я знаю, как долго лежат заявления в вашей канцелярии, и никем не рассматриваются. Поэтому и пришла к вам. Я не могу долго ждать, не зная, когда наступит мой последний час. Вдруг я умру завтра, и меня похоронят на том месте рядом с чужим мужиком, который мне противен. Мне бы не хотелось этого. Я чисто по-человечески прошу помочь ускорить моё дело и решить его как можно быстрее в мою пользу. Мне совсем не безразлично, кто меня будет окружать на погосте, и в какое общество я попаду. При жизни я старалась тщательно выбирать себе знакомых. Но для этого у меня была хоть какая-то свобода выбора, а вот сейчас я боюсь, что после моего смертного часа, такой свободы может не оказаться.

Она встала со стула, провела своей маленькой ладошкой по пышным пепельным волосам, кивнула мне на прощание и вышла из кабинета с гордо поднятой головой, не удостоив внимания Сергея Андреевича.

– Да, – сказал он, когда посетительница покинула наш кабинет, – мороки с такой не оберешься. Знаю я таких посетительниц, пока своего не добьётся, житья нам не даст. Но вот что странно! Не всё равно ли, где ей лежать после смерти?

– Как видно, не всё равно, – ответил я.

– М-да, – ответил он, – такие всегда получают самые лучшие места в нашем обществе.

– Да, что вы такое говорите, – возмутился я, – человек требует к себе элементарного уважения. Если при жизни он не может его получить, так пусть хоть после смерти его получит.

– А-а, – махнул рукой Сергей Андреевич, – я-то что, разве против этого. Но вы сами посудите, мы при жизни-то в нашей стране не можем избавиться от коммунальных квартир. Не можем обеспечить всех нормальной жилой площадью, хотя у нас норма – девять квадратных метров на человека, а уж после смерти мы вообще не думаем о том, где их разместить. Как было принято раньше мертвецу отмерять три аршина земли в длину, так и сейчас это делается, а толстый он или тонкий, уже не имеет значения, всё равно со временем он в земле сохнет или истлеет. Какая ему разница – с кем лежать. Эта старуха немного не в своём уме, подвинулась разумом, чокнутая. Здравый человек о таких вещах даже не думает. Похоронили его, и с Богом, отнеслась душа в рай. В раю всем места хватит, ведь он состоит из тонкого эфира, который и сжимается и расширяется, как ему угодно. Это на земле людям места не хватает. Этой старухе лучше всего было бы уверовать в загробную жизнь, другим было бы спокойнее. К тому же у простого народа вообще представление о смерти проще, чем мы с вами представляем. Главное для них соблюсти ритуал, а что будет потом, это их как-то не очень интересует. Как-то я слышал одну историю от знакомого попа. Он рассказывал, что к одному епископу обратилась паства с жалобой на нового молодого батюшку, который только что закончил семинарию, был рукоположен и направлен к ним в село. Они заявили, что он не пускает душу в рай. Собралась комиссия из священнослужителей и была направлена туда. Так вы представляете, что там было? Прежний батюшка обычно проводил отпевания так: в церкви отпоют покойника, вынесут его во двор и поставят гроб перед закрытыми железными воротами церковной ограды. Затем батюшке наливают стаканчик водочки, тот её выпивает, занюхивает рукавом, а затем со всего маху разбивает стаканчик о железные двери с криком: «А! Понеслась душа в

рай!» В это время открывают двери ограды, выносят покойника с церковного двора и несут на кладбище хоронить. Этот ритуал соблюдался всегда, так вот новый священник запретил это делать, отнеся это действие к кощунству. И паства сразу же воспротивилась и накатала на батюшку телегу владыке. Так что у народа свои представления о смерти и вознесении души на небеса. И если мы не хотим показаться невежами, то должны принимать то, что есть у народа, и по возможности не вмешиваться в его жизнь, и не менять его традиции.

Я ни стал возражать Сергею Андреевичу, потому что появился новый посетитель. Он был одет довольно бедно и не очень чисто. Лицо его было обветрено, заросло щетиной.

– Какое у вас дело? – спросил я его, как можно любезнее.

– Я бы хотел получить документы, – ответил он сумрачно.

– Какие документы? – спросил я.

– Документы, удостоверяющие мою личность.

– Это не к нам, – ответил я, – а в паспортный отдел полиции.

– Я там уже был, – ответил он, – но они мне ничего не выдали.

– Почему? – удивился я.

– Они утверждают, что я умер. Вернее, они говорят, что умер тот человек с моей фамилией. А я – самозванец.

– Как же так получилось? – удивился я.

– Тот человек во время аварии обгорел, – ответил он, – и установить его личность не было возможности. Его похоронили вместо меня. Я же, будучи с ним в одном транспорте, от удара машины в дерево потерял память, но потом очнулся и ушёл с места происшествия в лес, был не в себе. Авария произошла на шоссе среди лесных массивов. Я бродил по лесу, пока не выбился из сил, а потом ещё и долгое время не мог вспомнить, кем я являюсь. Бродяжничал. Но со временем память восстановилась. Но вот только вернуть себе своё имя уже не смогу. Никто меня не признаёт. Даже жена отказалась от меня.

– Почему? – удивился я.

– Потому что у неё появился уже другой мужчина, а чтобы я не претендовал на наше имущество, нажитое вместе, она просто меня не признала, заявив, что её муж похоронен.

– Вы так изменились, что она вас не узнала?

– Нет, – вздохнув, ответил мужчина, – я совсем не изменился. Просто изменилось её отношение ко мне. Её знакомые тоже меня не признали. Поэтому я и стал бездомным.

– Странно, – сказал я, – неужели все люди вокруг вас стали такими чёрствыми, и вам никто не помог?

– Выходит так, – ответил он и замолчал, грустно глядя в окно.

– Что же вы собираетесь делать? – спросил я его.

– Вот пришёл просить у вас помощи, – сказал он, – я же не могу болтаться между небом и землёй. Если я не умер, то, значит, жив. Поэтому прошу признать этот факт, и выдать мне документы. Тогда бы я мог устроиться на работу, поселиться где-то в общежитии, одним словом, получить возможность на человеческое существование. В настоящий момент моя жизнь ничем не отличается от бродячего пса.

– А как вы прошли мимо охранника? – вдруг подал голос со своего места Сергей Андреевич.

– В моём птичьем положении можно вообще научиться летать по воздуху, – сказал мужчина.

– Разве вы русского языка не понимаете? Мы не выдаём здесь документов. Этим занимается полиция, – недовольно объявил ему Сергей Андреевич, пытаясь отмахнуться от него, как от назойливой мухи.

– Тогда чем же вы здесь занимаетесь? – спросил нас бож.

– Чем мы занимаемся?! – подскочил на стуле Сергей Андреевич. – Если вас интересует, то я могу объяснить. Вы думаете, что государственные чиновники вообще ничего не делают, а сидят на своих стульях, ковыряют в носу пальцем и считают мух на потолке?

Мужчина ничего не ответил.

– Так вот, любезнейший, продолжал мой сосед, – мы следим за порядком в государстве. Если мы будем допускать всякие непотребности, то люди встанут на головы и начнут так ходить по всей стране.

– Разве нужно получить разрешение от вас, чтобы встать на голову и ходить так? – с усмешкой спросил его бомж.

– Конечно же, такого разрешения у нас не нужно получать, – спокойно сказал Сергей Андреевич, как будто не заметив иронии в словах бомжа, – но мы всегда готовы выслушать посетителя и рассмотреть любое его заявление, каким бы странным оно не показалось на первый взгляд. Ведь в жизни всякое случается, так вот, прошу вас рассматривать чиновников как служащих, пекущихся о благе, проводников народа, а не недоумков, которым нечем заниматься в жизни. Для этого блага мы и работаем все двадцать четыре часа в сутки, и даже не спим. Поэтому все знают, что работа у нас не нормированная. Мы практически никогда не выходим из этого кабинета. Вся наша жизнь проходит среди этих бумаг. Мы выслушаем любого человека, если он даже придёт к нам ночью.

– Однако, – возразил бомж, – на двери вашего кабинета написаны часы приема. К тому же хотелось бы знать, в чём заключается это благо, о котором вы печётесь.

– Это так, – не растерявшись, ответил Сергей Андреевич, – официально мы принимаем в эти часы, но потом мы всё время посвящаем разбору жалоб наших посетителей. Через эти бумаги мы прочной связью связаны с нашим народом, мы знаем все его чаяния, боли, беспокойства, тревоги и треволнения. И мы денно и нощно работаем над тем, чтобы решить все его проблемы. В этом и заключено это благо. Даже вы, человек без определённого места жительства, без имени и каких-либо других данных о себе, можете прийти к нам и пожаловаться на свою жизнь.

– Вот только станет ли от этого моя жизнь лучше? – со вздохом произнёс бомж.

– Не нужно отчаиваться, – молвил Сергей Андреевич, – если вы свою жизнь берёте в свои руки, то и нам легче вам помочь.

– Так помогите мне? – попросил бомж.

– Единственное, что можем сделать вам, это позвонить в милицию и попросить их ускорить вам выдачу документов, но для этого всё равно вам нужно соблюсти всю процедуру выдачи.

– Но поэтому я и пришёл, чтобы сказать вам, что вся это процедура бессмысленна. Для того чтобы получить документы, мне нужно где-то прописаться, а для того чтобы прописаться, нужно получить документы. Получается заколдованный круг. Чтобы кто-то мне выдал хоть какую-то справку, мне нужно найти человека, знающего меня и подтверждающего мою личность, таких людей я не могу отыскать. Да и кто возьмёт на себя поручительство за бездомного. Получается, что я выброшен из этого общества.

– Вы не правы, – мягко ответил Сергей Андреевич, – в нашей стране живой человек всегда найдёт защиту у государства.

– А если я уже мёртвый по всем документам, то тогда что? – спросил бомж.

Сергей Андреевич развёл руками и сказал:

– Тогда нужно как-то исправить эту досадную ошибку. Не теряйте надежды и самообладания. Иногда и у нас случаются всякие недоработки. И если вам кажутся препятствия для получения документов непреодолимыми, то вы должны утроить ваши усилия, чтобы добиться справедливости. Нам трудно сейчас разобраться во всей сложности вашего дела. Нам не совсем понятно, почему вас, живого человека, принимают за мёртвого. Но вы и нас поймите, наше

государство не может вот так просто выдать документы любому встречному на основе только его личных свидетельств. Ведь таким образом в нашу страну могут пробраться и легализоваться любые разведчики и враги. Для этого полиция и стоит на страже законов, чтобы охранять государственную безопасность. Мало ли что вы можете сделать с этими документами. Устроитесь на престижную работу, продвинетесь по службе, получите доступ к секретной информации, а потом начнёте сливать эту информацию за границу нашим врагам. Ведь так. Вы и нас поймите. Ведь нашим государственным аппаратом не может всё делаться тяп-ляп. Получение документов для гражданина нашей страны – дело особой важности. Он только родился, а уже получил свидетельство о рождении. Он даже читать не умеет, а очень важная справка уже родилась вместе с ним. Потом, по достижению совершеннолетия, он по этой справке получает паспорт и становится полноправным гражданином нашего государства. Каждый человек, рождающийся в нашей стране, ставится на учёт. А как же иначе? Без этого не обходится ни одно государство. От того, как мы держим во внимании наших граждан, зависит порядок и процветание нашей страны. Как вы думаете, из чего проистекает представление правительства об общем положении дел в стране? Да от того, в какой степени мы будем располагать информацией о нашем народе. К сожалению, вы выпали из нашего информационного поля. Мы не знаем, кто вы, откуда вы взялись, и что собой представляете. В какой-то степени, вы – инородное для нас тело. Мы не можем считать вас гражданином нашего государства до тех пор, пока всё о вас не узнаем.

Бомж, сидящий на стуле, заёрзал и стал смотреть в открытое окно нашего кабинета на бездонно синюю голубизну неба.

– Так как же мне быть? – безнадёжно спросил он.

– Нужно набраться терпения и ждать, пока компетентные органы не разберутся в вашем деле. Мы их можем только попросить помочь вам, но работу за них никто из нас не будет делать.

– И сколько это будет продолжаться?

– Столько, сколько потребует время.

– Но тогда я и в самом деле из живого могу превратиться в мёртвого, – сказал бомж и встал со стула.

– Не нужно терять веры в справедливость, – мягко заметил Сергей Андреевич. – Рано или поздно справедливость обязательно восторжествует.

– В этом я не уверен, – сказал бомж и, подойдя к окну, выбросился наружу.

Я увидел, как, побледнев, изменился в лице Сергей Андреевич, но не мог произнести ни слова. Все мои члены тоже сковал ужас. Сергей Андреевич тоже молчал, разинув рот от такой неожиданности. Можно было бы сказать с полным правом, что слова застряли в наших глотках. Когда оцепенение немного прошло, мы вскочили со стульев и бросились к окну. Наш кабинет находился на третьем этаже. Снаружи всё было тихо. Мы ожидали увидеть под окном распластанное на газоне тело бомжа, но там никого не было. Люди спокойно проходили невдалеке по асфальтированным пешеходным дорожкам мимо нашего здания, не обращая на нас никакого внимания.

– Где же этот бомж? – с волнением произнёс первые слова Сергей Андреевич.

– Не знаю, – сказал я, пожав плечами. – Может быть, и в самом деле он научился летать подобно птице. Так он нам сказал.

– Что будем делать? – спросил меня Сергей Андреевич.

– Не знаю, – сказал я и опять непроизвольно пожал плечами.

– Тогда сделаем вид, что ничего не произошло, – принял решение Сергей Андреевич.

Мы вернулись к своим рабочим местам, сели и помолчали.

Немного успокоившись, мы продолжили приём посетителей.

На этот раз к нам в кабинет вошла опять женщина, но уже средних лет. Она робко прильнула к краешку стула и изложила свою просьбу.

– Несколько лет тому назад у меня пропал муж, – сказала она.

Я посмотрел ей в глаза в какой-то прострации и ничего не ответил, потому что увидел в них страдание и горе.

– Как это произошло? – вместо меня спросил Сергей Андреевич, который уже вполне овладел собой, собрался с мыслями, взяв себя в руки.

Женщина повернулась к нему вполоборота и сказала:

– Он вышел из дома и исчез.

– Когда это случилось, днём ли вечером?

– Вечером, – сказала она.

– Вы поругались?

– Нет, – ответила она.

– Он работал в какой-нибудь секретной службе?

– Нет, – покачала она головой, – он работал слесарем по канализации в жилищно-коммунальном отделе нашего домоуправления.

– Вот оно что? – произнёс Сергей Андреевич, как будто это имело какое-то отношение к делу. – А он не совершал растраты?

– О чём вы говорите? Какую растрату может совершить слесарь. Он же не банкир. Мы с мужем жили от получки до получки.

– А у него не были любовницы?

– Что вы такое говорите?! – возмутилась женщина. – Кроме меня у него вообще не было в жизни женщин.

Сергей Андреевич посмотрел на меня так, что можно было прочесть в его взгляде сразу две его мысли: «Святая простота!» и «Общепринятое женское заблуждение!»

– Вы обращались в полицию? – спросил он.

– Как же не обращалась?! – взволновано воскликнула женщина. – Все пороги там обила, но и всё безрезультатно. Они нигде не могут найти моего мужа. Как в воду канул. Ни документов, ни денег не взял с собой. Разве может так просто у нас пропасть человек? Скажите мне.

Сергей Андреевич встал со своего места и подошёл к окну, как будто хотел проверить, не объявился ли под окном бомж. Он стоял перед окном и слегка покачивался, переносил свой вес с носков на пятки, и с пяток на носки, как будто желая повторить номер бомжа, вылетевшего в окно. На некоторое время у нас в кабинете воцарилась тишина, только были слышны звуки улицы, проникающие через окно.

– Как у вас ведётся учёт пропавших людей? – вдруг нарушила тишину женщина своим вопросом. – Неужели вам ни до чего нет дела, и вы все дела переложили на плечи полиции? А её-то вы хоть контролируете?

Сергей Андреевич вернулся к столу и грузно уселся в своё кресло. Женщина полностью повернулась к нему и смотрела на него пристально и требовательно.

– Мы постоянно занимается этим вопросом, – сказал Сергей Андреевич своим убедительным хорошо поставленным голосом. – Мы никогда не расслабляемся и не считаемся со своим временем. Я даже на дом беру часть документов, чтобы просмотреть их и дать им надлежащий ход.

И он кивнул на шкафы, забитые пыльными документами. Правда, я ни разу не припомнил случая, чтобы он брал эти документы домой.

– Поэтому у вас не должно создаваться впечатление, что мы здесь ничего не делаем, – продолжал он. – У нас здесь царит железная дисциплина как в армии при исполнении наших дел.

Сергей Андреевич говорил красноречиво, оседлав своего конька, как будто бы у нас ничего не произошло за минуту до прихода посетительницы, а может быть, говорил он так возбуждённо под впечатлением произошедшего в нашем кабинете события:

– Конечно, вы, как посторонний человек, не можете обозреть всего механизма нашей хорошо отлаженной машины. Рано или поздно мы найдём вашего мужа. Это неизбежно.

– Надеюсь, это случится не после моей смерти, – заметила женщина.

Я с удивлением подумал, что уже третий человек в этом кабинете говорит о том же самом: о невозможности увидеть плодов нашей работы при своей жизни.

– Как вы можете такое говорить?! – воскликнул оскорбленный Сергей Андреевич. – Разве вы не видите, что мы живота своего не шадим. Если уж мы берёмся за дело, то всегда его доводим до конца. Мы распутываем самые сложные дела и всегда находим истину. Истина для нас превыше всего. Может быть, многие несознательные граждане пытаются сокрыть её, прибегая для этого к всевозможным средствам. Но мы все хорошо подготовлены, и у нас есть всё необходимое в нашем арсенале, чтобы просветить самые сокровенные уголки души человеческой, а также те места нашего общего обитания, которые по недомыслию этих граждан считаются ими недоступными для нас. Мы из любого места можем вытащить истину на свет божий. Мы всегда доводим все дела до конца. Мы никогда не делаем ошибок в нашей работе.

– Неужели вы никогда не ошибаетесь? – удивилась женщина.

– Это исключено, – решительно возразил он ей, – потому что нами создана развитая система контроля. Мы контролируем наших подчинённых. Подчинённые контролируют своих подчинённых. Нас контролируют наши начальники, а их в свою очередь проверяют их начальники. Таким образом, создана грандиозная вертикаль, которая уходит высоко наверх. Даже нам из этого кабинета не обозреть той вершины, откуда идёт контроль, и куда уходит этот контроль и стекается вся секретная информация. За всем и за всеми следит недремлющее око высшей инстанции, и ничего не скроется от их внимания. К примеру, кто-то из нас совершил проступок и уже забыл о нём, живёт себе спокойно, как принято говорить в народе, припеваючи, и в ус себе не дует. И вдруг, бац, как гром среди ясного неба, его настегает правосудие за этот проступок, о котором он уже и не помнит. Да, и не нужно удивляться этому. Просто, сведения об этом проступке дошли до высшего начальства, и приняты надлежащие меры. Кстати, это высшее начальство, которое даже мы не знаем и никогда не видели его в лицо, знает всё. Мы постоянно чувствуем его дыхание нашими затылками. Это начальство для нас как священная корова для индусов. Мы просто знаем, что оно существует, следит за нами и сносится с ещё более высокими инстанциями. Оно беспристрастно за всем следит и за всё нам воздаёт должное. Добрые поступки вознаграждаются, а за дурные поступки мы несём заслуженное наказание. А как же без этого?! На земле между людьми создана такая же система вертикали, какая существует между землёй и небом, между человеческим началом и божественным видением. Если мы служим этой системе, то получаем награду, если же мы нарушаем законы, то несём наказание. И ваш муж, если он, конечно, жив, что я вполне допускаю, где-то прячется, думая, что скрылся от вас. Он встаёт по утрам, пьёт кофе, курит сигареты, наслаждаясь жизнью, думая, что выпал из поля зрения нашей системы. Но он глубоко ошибается. Потому что, нашей системой отслеживается каждый его шаг.

– Мой муж не курит, и по утрам пьёт только чай. Кофе он на дух не переносит, – возразила ему женщина.

– Не важно, – продолжает говорить Сергей Андреевич, – если он даже изменил свои привычки, обзавёлся чужим паспортом, начал курить, а по утрам пить кофе, думая, что запутает нас, он, всё равно, находится в поле нашего видения. Мы наблюдаем за ним и ждём, когда он совершит ошибку, как у нас называется, «проколется». И вот тогда мы его сцапаем, голубчика, и доставим его вам на тарелочке с голубой каёмкой. Конечно же, он понесёт кару за то, что скрывался от вас и жил по чужому паспорту. Прежде всего, он будет наказан нами за те проступки, которые совершил по отношению к государству, а затем мы передадим его в ваши руки. И вы сами придумаете ему наказание.

– Я его прощу, – заявила женщина, – если всё дело обстоит так, как вы рассказываете. Но, а если он попал в какую-нибудь беду, потерял память и не может вспомнить свою прошлую жизнь? Тогда что?

– Мы ему поможем, – решительно заявил Сергей Андреевич.

Я же невольно передёрнул плечами и посмотрел на открытое окно.

– Неужели все ваши дела заканчиваются полным прояснением? – спросила недоверчиво женщина, посмотрев на шкафы, забитые документами.

– А как же иначе?! – воскликнул Сергей Андреевич и даже подпрыгнул в своём кресле. – Мы сдаём в архив дела только полностью решённые. Все дела, которые находятся в работе, лежат здесь.

И он широким жестом руки указал на шкафы с бумагами.

– Вы даже представить себе не можете, сколько чиновников работает над тем, чтобы прояснить эти дела ни только в нашем городе, но и по всей стране и во всём мире. Щупальцы нашей системы проникают во все уголки земного шара, а если мы со временем выйдем в космос и освоим другие планеты, то и туда они дотянутся. Нигде и никому невозможно спрятаться от них. Если только человек не откочует на небеса.

– Вы полагаете, что моего мужа нет в живых? – спросила с грустью женщина.

– Я ничего не полагаю, – ответил Сергей Андреевич, – потому что мне пока не известны конечные результаты поисков вашего мужа, которые проводит наша система. До нас доходит только окончательный результат, когда обнаружат вашего мужа. Вот тогда я буду знать, что ваш муж жив и здоров и находится там-то и там-то. И ничто уже не скроет его от моего взгляда, ни его новая семья, ни палата психлечебницы, ни тюрьма, ни даже заграница, окажись он там. И будьте спокойны, мы выдернем его из любого места. Если он успел жениться, то мы привлечём его к ответственности за двоежёнство. Если он проживает за границей, то ответит по всей строгости закона за переход границы по поддельным документам. Если он находится в психлечебнице в полном здравии, то будет наказан за симуляцию, если выяснится, что здоров.

– А если он потерял память и где-то бродяжничает как бездомный, не зная, где его дом? – спросила его женщина.

– Сейчас мне трудно сказать, что с ним произошло, – сказал Сергей Андреевич, потирая руками, – но мы докопаемся до истины. Будьте спокойны. Если с ним случилось то, что вы говорите, мы его вылечим и вернём вам.

– Я бы очень не хотела, чтобы он оказался на улице без гроша в кармане и забыл дорогу домой. Ведь сейчас многие так живут, побираясь.

– Или воруя, – продолжил за неё Сергей Андреевич. – Ведь сколько хищений в стране происходит по вине бомжей. Тащат всё, что им попадается на глаза: цветные металлы, даже выкапывают кабель и сдают его на металлолом, грабят дачи, оставленные без присмотра хозяев. Они – сущий бич для страны. Да бомжи – не ангелы, питающиеся святым духом, и не птицы клюющие зерно и всякую падаль. Они больше похожи на волков.

– Если у вас так хорошо функционирует ваша система, то почему в течение уже трёх лет о моём муже нет никакой информации? Почему вы о нём ничего не знаете? – в отчаянии спросила его женщина. – Как так может происходить?!

– Да, дело в том, что у нас каждый служащий отвечает за своё дело. Это как на конвейере, кто-то делает одно дело и передаёт его другому, тот добавляет в него своё дело, и оно катится дальше. Дело обрастает, как снежный ком, новыми подробностями, свежей информацией, меняя своё содержание в зависимости от новых открывающихся фактов, уточнений, деталей и прочего исследовательского материала. Это дело вбирает в себя труд многих чиновников. Все их аналитические способности, их знания, добытые оперативным трудом, суммируются, и получается обобщенный результат, отражающий истину. Мы все – профессионалы своего дела, и наш профессионализм слагается из нашего общего труда. Каждый из нас явля-

ется специалистом на своем узком участке фронта. Мы как пчёлы, собирающие нектар с цветов, и трудимся мы не только от восхода до заката, но и ночью. Самая главная аналитическая работа у нас происходит ночью, когда мы, лёжа в своих постелях, анализируем детали нашего дела. От этого все мы страдаем бессонницей. Можно сказать, что чиновники не ведают ни сна, ни покоя. Когда вы спокойно спите в своих кроватях, мы мечемся в бреду, просыпаясь ночью, хватаем папки с делами и углубляемся в работу. Затем нас опять смаривает сон, но ненадолго, потому что забота о вас гложет нас днём и ночью. К утру мы встаём полностью разбитыми и идём на работу, чтобы опять с головой погрузиться в ваши дела. У нас, как ни у кого, нет личной жизни, все мы – страдальцы за народное дело. Обычно в народе, почему-то презируют чиновников, ругают их последними словами, поносят на каждом углу, дают им постыдные прозвища. «Слуга народа» стало уже нарицательным словом в устах нашего народа. А почему? – я вас спрашиваю.

Женщина пожалла плечами, отвела от Сергея Андреевича глаза и посмотрела в окно.

– Да потому, – продолжал увлечённо говорить Сергей Андреевич, – что в нас не видят человека, а видят только машину, которая бесперебойно работает, исполняя закон и подчиняясь закону. Нашему народу никогда не нравился закон и чиновники, его исполняющие. Народ даже придумал такую глупость, что сами чиновники и нарушают закон. Да разве в нашей системе тотального контроля можно нарушить закон. Правда, есть отдельные личности, пытающиеся где-то вспомнить о себе, или извлечь какой-то свой интерес. Но они тут же попадают в сети, расставленные нашими контрольными службами, а потом – под маховик нашей карающей машины. Наша система такого чиновника просто раздавливает как таракана. Поэтому запомните, работая в системе, нельзя нарушать её правила. И все мы прекрасно знаем, чем грозит нам отступление от закона. Поэтому нам всем так больно сознавать то, какая молва идёт о нас среди народа. Ещё в народе говорят, что мы ничего не делаем и получаем зарплату зря. Это тоже великое заблуждение, потому что система освобождается от нерадивых чиновников быстро и без всякого сожаления. Это и правильно. Если бы мне привелось построить градацию ценности человеческих профессий, то чиновника я поставил бы на самую верхнюю ступень нашей общественной лестницы. В жизни так оно и есть, потому что чиновники находятся у руля нашего государства. Сама жизнь определила им это место. А почему? – вы об этом не задумывались?

Женщина ему ничего не ответила.

– Да потому, – продолжал Сергей Андреевич, – что мы самые универсальные люди в нашем обществе, имеющие огромный кругозор и обладающие не только административным опытом и аналитическим умом, но и возможностью предвидеть будущее. Именно так, и не иначе. Это мы планируем дальнейшее развитие государства, мы просчитываем все будущие трудности, которые могут возникнуть на его пути. Это мы отводим любую беду, которая грозит навалиться на общество и подмять его под себя. И как нам больно сознавать после всего этого, что никто этого не ценит. Здесь работают самые лучшие люди города, можно сказать, сливки общества.

– Да, – вдруг сказала женщины, продолжая смотреть в окно, – и все чиновники получают больше нас в несколько раз. За такую зарплату можно порадеть. Что уж говорить о сливках общества, когда они помимо высоких окладов имеют ещё другие доходы.

– На что вы намекаете? – спросил её Сергей Андреевич недовольным голосом.

– А вы знаете, как называют в народе общим словом нектар и пыльцу, которую собирают пчёлы? Если не знаете, то могу сказать вам. То, что собирают пчёлы, называется взятком.

– Вы хотите сказать, что мы берём взятки? – рассердился Сергей Андреевич.

– Раз уж наш разговор принял такой откровенный характер, – сказала женщина и посмотрела пристально в глаза Сергею Андреевичу, – то можно подумать, что вы не берете взятков.

– Могу побожиться, что я ни разу в жизни не брал ни у кого взятку, – сказал обиженно Сергей Андреевич.

– Ну, ни вы, так другие берут, – сказала женщина.

– Зачем же всех стричь под одну гребёнку? Мой товарищ тоже не берёт взятку.

И Сергей Андреевич кивнул в мою сторону.

– Просто, наверное, вы принадлежите к низшему слою чиновников, – сказала женщина, – и ещё не доросли до высоких чинов, чтобы брать взятки.

Сергей Андреевич сокрушенно тряхнул головой, показывая этим жестом, как его обидели слова женщины.

– Все говорят о коррупции, – сказал он расстроенным тоном, – но никто даже не имеет о ней представления. С таким же успехом можно говорить и о любом латентном периоде заболевания общества, например об общем безумии общества, или упадке нравов. Если бы я сейчас с пеной у рта стал бы вам доказывать, что никакой коррупции в нашем государстве нет, то я покривил бы душой, да и вы бы не поверили мне. Но давайте разберёмся беспристрастно в причинах этого позорного явления. Да я допускаю, что где-то ещё есть коррупция. Но о ней нам пока ещё ничего не известно. Потому что коррупция – это всегда частные случаи, где участвуют две заинтересованные стороны: дающий взятку и принимающий её, как правило, чиновник. Ведь каждый чиновник, прежде всего, является человеком. Это для вас все чиновники сливаются в единую тягучую слипшуюся массу из галстуков, белых воротничков и тёмных костюмов. Но уверяю вас, чиновники отличаются друг от друга также, как и все другие люди в нашем обществе, своими моральными качествами, характерами, привычками и привязанностями. Даже отношение к работе у каждого чиновника разное. Одни относятся к своему рабочему времени как к некоей повинности, другие горят рвением на работе, стремясь построить свою карьеру, а третьи просто уходят в свою работу с головой, и не мыслят свою жизнь без этой работы. Как раз эти третьи и составляют лучшую часть чиновничества. Именно на них и держится весь наш аппарат и наше государство. Разумеется, как я уже сказал, каждый отвечает за своё дело, в котором он становится со временем специалистом и высоким профессионалом. Свою работу он может сделать удовлетворительно, хорошо или так превосходно, как больше никто не сделает. Всё зависит от усилий, которые он к ней приложит. Это и есть самый высокий профессионализм, когда человек делает что-то так, как никто другой не может это сделать. Но для того чтобы добиться в этом деле успеха, пусть даже это будет самое рядовое дело, нужно ни только на нём сосредоточиться, но и отдаться ему всецело, а значит, вложить в него всё своё старание, смекалку, ум и свой особый скрытый дар. Вы знаете, чем отличается в этом деле русский от немца?

Женщина покачала головой.

– Так вот я скажу вам, немец обладает скрупулёзностью, иными словами определённой дотошностью. Когда он разбирает дело, то он раскладывает его всё по полочкам, отделяя одну часть от другой. Можно сказать, расчленяет это дело по частям. А затем каждую часть рассматривает, изучает, исправляет, если нужно, промывает и высушивает на солнце, а потом также аккуратно собирает, складывает так, что перед ним возникает картина некоей ясности этого дела. Всё у него чисто, аккуратно и, на первый взгляд, правильно, так как и должно быть на самом деле. Возникает как бы ясное представление картины этого дела. Но вот вопрос. Соответствует ли это представление самой истине? Эта причёсанная, приглаженная картина, является ли она истиной? И вдруг оказывается, что нет. А почему? Потому что немец не вложил в неё всю свою душу. Вернее, он пытался в неё проникнуть и одухотворить её, но у него ничего не получилось. Но зато это вышло у русского. А почему? – спросите вы. А потому что русский, разбирая это дело, вложил в него не только свою душу, но ещё и свою гениальность, иными словами, частичку себя. А что такое гениальность? Это внутреннее предвидение истины. Это то, что определяет истину, и отделяет истину от не истины. Для того, чтобы постичь истину,

нужно быть не только профессионалом, но и высоко духовным человеком. То есть, иными словами, нужно иметь приближение к истине, и знать пути, ведущие к ней. А это требует ни только полного напряжения ума и всех душевных качеств человека, но ещё и нечто другого, чего нет ни у кого из других народов, – одухотворённости. То есть того, что связывает человека с высшим разумом. Погружаясь в это дело, русский как бы слышит, как этот высший божественный разум шепчет ему на ухо: «Делай это, а не то. Обрати внимание на эту деталь, которая подскажет тебе решение». И у русского всё получается. Ведь иногда человек просто не хочет постигнуть истину, потому что для этого нужно напрягаться. Не каждому хочется напрягаться по всякому пустячному делу. А таких дел тысячи проходит через наши руки. Если человек, работая с ними, постоянно будет пребывать в таком напряжении, то это может неблагоприятно отразиться на его здоровье. Поэтому некоторые дела чиновник доводит только до ясности, но не до раскрытия истины. Этим он и довольствуется, сохраняя свои витальные силы и сберегая себя для тех дел, где предстоит ему полностью выложиться и показать, соответствует ли он своей истинной квалификации. Это вполне разумное правило, и система не может требовать от своего подчиненного этих сверхусилий, подобных молнии, этой постоянной концентрации воли, ума и сердца, которые изнашивают, и даже порой испепеляют человека. Поэтому такие проявления всплеска истины нуждаются в особых поощрениях.

– И этими поощрениями являются взятки, – с иронией заметила женщина.

От этого замечания лицо Сергея Андреевича искривилось как от зубной боли.

– Ну что вы такое говорите, – с упреком произнёс он, – слово взятка мне вообще не нравится, потому что оно несёт в себе уже осудительное значение. Взятку получают ни за что, иными словами, за то, что обязаны делать по закону, поэтому взятка является нарушением закона. Если человек обязан что-то делать по своему долгу, то почему он за это ещё и берёт деньги? Я говорю совсем о другом. Есть дела, которые должны как бы вознаграждаться дополнительно. Государство такое вознаграждение не может предоставить чиновнику, но проситель понимает, что если он заплатит этому чиновнику, то тот сделает всё так, как надо, не обходя и не нарушая закона. А иногда, чтобы это сделать, нужно быть просто гениальным чиновником.

– Значит, все ваши гениальные чиновники коррумпированы, – сделала заключение женщина.

– Видите ли, многоуважаемая гражданка, – сказал Сергей Андреевич и, наклонив в её сторону голову, понизил голос. – У каждого человека, кто сюда приходит, есть свои интересы, свой путь пробиться к правде, постичь истину. Иногда эти интересы и достижение личной правды бывают весьма далеки от общественных интересов. Все мы и каждый из нас куда-то движемся. Эти движения, если посмотреть на них из какой-то запредельной точки эфира, могут показаться хаотичными, а все мы в этом клубке будем похожи на червей. Так вот, личное и общественное – это разные вещи. Сверху мы должны следить за тем, чтобы ни одна такая тварь не съела другую, это у нас запрещено законом. К тому же мы должны следить, чтобы какая-нибудь тварь не прогрызла дыру в нашей оболочке, откуда в нашу среду могут хлынуть инородные тела и погубить всех нас. К тому же мы должны следить за тем, чтобы тот корм, который мы имеем, распределялся среди всех более-менее честно и равномерно. Вот и всё. Всё остальное – дела частного порядка. И если кто-то приходит ко мне и просит меня решить его частное дело, вернее, ускорить решение его дела, то есть, сделать так, чтобы его дело рассматривалось не механически общей машиной, а избирательно, штучно и в ручном исполнении, то он вправе просить чиновника о снисхождении. То есть, он может просить чиновника о его личном участии в решении этого дела, конечно же, в рамках законности. Я всегда поступаю в рамках закона. Для этого существуют у нас строгие правила, за которыми следит та же машина, которая и исполняет эти дела. Но если эта машина перегружена или дает сбой, одним словом, работает не так быстро, как бы хотелось, проситель прибегает к тому, чтобы заинтересовать чиновника в скорейшем решении этого дела, опять же в рамках этого закона. Он как бы

рассматривает чиновника в роли своего адвоката. Хотя все мы, чиновники, служим системе и закону и являемся официальными лицами, но с другой стороны, мы всё же представляем собой и частные лица. Так вот, этот проситель для ускорения своего дела за определённое вознаграждение как бы нанимает официального чиновника в свои адвокаты, устанавливая с ним отношения как с частным лицом. По правилам, это нам, конечно, не положено, система сама запрещает нам заниматься этим делом в обход этой системы. Но некоторые чиновники всё же идут навстречу своим просителям и берутся за их дела, оставаясь в рамках закона.

– Вы знаете, – оборвала его женщина на полуслове, заявив, – у меня нет денег, чтобы дать вам взятку. Я – женщина бедная, одинокая, сама перебиваюсь с хлеба на воду.

– Да что вы такое говорите?! – испуганно воскликнул Сергей Андреевич и замахал руками. – Разве я у вас что-то прошу?! Я вам лишь объясняю, как может создаться впечатление о том, что якобы чиновники берут взятки.

Он перевёл на меня свой испуганный взгляд, пытаясь найти в моем лице защитника. Я же невольно опустил глаза.

– Как вы могли такое подумать? – произнёс он с горечью в голосе.

– Я – женщина простая, – сказала просительница, – вы уж извините меня, старую дуру, за то, что я не всё поняла в ваших объяснениях. К тому же вы говорите так сложно, что я не всегда вас понимаю. А иногда не могу сообразить, к чему вы клоните.

– Да ни к чему я не клоню, – возмущённо заметил Сергей Андреевич, – просто я пытаюсь объяснить вам всю сложность нашей системы. Ведь вы просили ответить вам, почему мы за три года не нашли вашего мужа. Вот я это и делаю. А потом, вы нас обвинили в коррупции, а я вам доказываю, что коррупции в нашей системе нет и не должно быть. А то представление о коррумпированности чиновников, сложившееся в народе, превратно и ошибочно. Есть совсем другое явление. По своей простоте душевной некоторые чиновники идут просителям навстречу, и за это их обвиняют во взяточничестве. Вот и всё.

– Я уж не знаю, что и подумать, – сказала женщина и покачала головой. – Вы так говорите, что я не знаю, чего вы хотите.

– Я ничего хочу! – сердито воскликнул Сергей Андреевич. – Это вы чего-то желаете, а я никак не могу вам втолковать, что всё, что мы делаем, мы делаем для общего блага, и для вас в том числе.

В это время дверь нашего кабинета открылась, и на пороге появился начальник нашего отдела Воротников.

– Что здесь происходит? – спросил он, строго глядя на нас. – Чем это вы здесь занимаетесь?

– Как чем? – удивился Сергей Андреевич. – Мы ведём приём посетителей.

– Ведёте приём так, что ваши посетители вылетают из окон?

– Но помилуйте, – воскликнул Сергей Андреевич.

Услышав эти слова, женщина вскочила со стула и заторопилась к дверям, столкнувшись с нашим начальником.

– У вас всё? – спросила он, уступая ей дорогу и проходя в кабинет.

– Да, да, – спешно ответила она, – я выяснила всё, что мне нужно.

Женщина выбежала из кабинета, даже не закрыв за собой дверь. В проёме двери я увидел, что на стульях своей очереди ожидает много народа. Начальник вернулся к двери, плотно её закрыл и обратился к нам.

– Так расскажите мне, что у вас произошло.

– Ничего такого не произошло, – сказал Сергей Андреевич и развёл руками.

Я тоже пожал плечами и сделал удивлённое лицо. Наш начальник подошёл к открытому окну и выглянул на улицу.

– Говорите, что ничего не произошло, а вот несколько минут назад нам позвонили и сказали, что вы кого-то выбросили из окна.

– Какая ложь! – воскликнул Сергей Андреевич.

Его лицо изображало неподдельное возмущение. Я тоже подумал, что это несправедливо перекладывать на нас вину за выпадение человека из окна. Воротников, пристально посмотрев на нас, зашагал по кабинету, а затем молча опустился на стул, на котором только что сидела женщина. Отвалившись на спинку, он закинул ногу на ногу и устало достал из кармана пачку сигарет. Мы с Сергеем Андреевичем не курили и даже не переносили запаха табака, но не посмели ничего сказать нашему начальнику, когда он закурил сигарету, выпуская кольцами дым изо рта.

– Мне, конечно, учить вас не надо, – сказал он после некоторого молчания, – вы и так на этой работе собаку съели. Сами понимаете, что всё это значит. К тому же, я и сам не верю, что из окна вашего кабинета мог вывалиться человек. Но, сами понимаете, мы не можем отмахнуться от свидетельств людей просто так. Когда поступил нам первый звонок, мы вначале посчитали его за шутку. Но потом нам стали звонить другие люди, и все они утверждали, что человек выпал из управы с третьего этажа из вашего кабинета. Сейчас мы проводим внутреннее расследование. Мы опросили уже тринадцать человек, свидетелей. И все они утверждают, что видели из разных мест, как человек падал из вашего окна.

– И куда же он делся? – спросил его Сергей Андреевич.

– В этом-то и кроется тайна, – сказал озадаченно начальник. – Все видели, как человек падал, но никто не видел, как он упал, и куда после этого делся. Нужно сказать, что под вашими окнами на газоне растёт довольно высокая трава. Но я сам полагаю, что не мог же он затеряться в этой траве. Ведь человек не какая-то букашка. Мы уже осмотрели место под вашим окном, но не нашли ни примятой травы, ни следов от тела. Управлять своим телом в полёте человек, конечно, может на большой высоте, как это делают парашютисты, но спланировать с такой высоты невозможно, гравитация его тут же придавит к земле, каким бы он не был лёгким. Нас удивляет, как, падая, он мог переместиться в другое место или раствориться в полёте. Так куда он делся?

Начальник посмотрел на нас с Сергеем Андреевичем вопросительно.

– Вы нас об этом спрашиваете?! – воскликнул Сергей Андреевич. – Мы не видели никакого человека, и уж тем более не видели, как он вываливается из окна.

Сказав это, Сергей Андреевич посмотрел на меня многозначительно.

– Это правда? – спросил начальник, устремив на меня свой пронизывающий взгляд.

Я пожал плечами, не зная, что ответить. С одной стороны, мой товарищ по кабинету отрицал всякую встречу с бомжем, и если бы я признался, что видел его, то дело оказалось бы ещё более запутанным, тем более никому не было известно, куда он делся. С другой стороны, я так был ошарашен всем случившимся со мной утром, что уже сомневался в истинности моих ощущений. Посмотрев на потолок, я не обнаружил там моего шара, с которым пришёл на работу.

– Так как? – спросил меня начальник, стараясь добиться внятного ответа.

– Я тоже ничего не видел, – соврал я.

– Значит, вы ничего не видели, – подытожил начальник, подозрительно глядя на нас, – тем более странно это слышать мне от вас. А вот многие люди в коридоре, ожидающие своей очереди к вам, подтвердили тот факт, что к вам заходил один мужчина, но от вас он не вышел. И у вас в кабинете его нет. Не могли же вы его спрятать в шкафу среди бумаг.

Он окинул взглядом кабинет и, кашлянув, заметил:

– В такой тесноте вряд ли можно спрятать где-то человека. Так как нам к этому отнестись?

Мы молчали.

– Как к заговору? – молвил он и затянулся сигаретным дымом.

Я почувствовал, как от сигаретного дыма у меня начинает болеть голова.

– Вы считаете, что мы – заговорщики? – обиженно спросил его Сергей Андреевич.

– Не вы, а все они, – сказал начальник, мотнув рукой с сигаретой в сторону коридора. –

Народ всегда мечтает скомпрометировать власть. В этом своём желании он единодушен. А как же иначе, на кого он может ещё перекладывать все свои грехи и ошибки. Ну, конечно же, на власть. Если народ живёт плохо и бедно, то виновата власть. Если он погряз в пьянстве, лени и разврате, то виновата опять власть. Если он по уши сидит в грязи, тоже власть виновата. Кого ещё винить? Ни себя же. Мы для них как козлы отпущения, как красная тряпка, которая постоянно дразнит быка. Всегда они нас так принимали, и всегда будут нас так принимать. А почему?

Мы смотрели на начальника, боясь произнести слово.

– Да потому что они возложили на нас всю ответственность за свою жизнь. Они нас ненавидят потому, что мы пытаемся решить их проблемы, правда, не всегда успешно. Но мы стараемся это делать изо всех сил. А они что делают? Они ждут, когда мы всё разжужаем и положим им в рот. Мы у них вместо няньки. Всегда заботимся, чтобы народ был обут, одет, накормлен. А вместо благодарности, слышим от него одну ругань, и ничего больше. Обидно. До слёз обидно за такую неблагодарность. Они делают из нас не слуг, а настоящих рабов. Как же с ними выстраивать служебные отношения? Мы стараемся вникнуть в их дела, разобраться во всех деталях, подстроить нашу организацию под решение их насущных проблем. Нам это с трудом удается, потому что у народа постоянно меняются потребности. Сегодня он хочет одного, а завтра – совсем другого. Сегодня ему хочется жареной луны, а завтра – звёзд с небес. Как его всем этим накормить? Как за всем уследить? Ведь сегодня они желают одного, а завтра носы воротят в другую сторону и требуют уже совсем другого. Как угодить им? Вот и возникает такое положение дел, при котором они всегда недовольны, дуются на нас, стараются нас опорочить. Подстраивают разные провокации, а потом обвиняют нас во всех смертных грехах. Мы и так всегда на стреме, в состоянии вечной готовности к неприятностям, не спим ночами, боимся быть застигнутыми врасплох. А тут происходит такое среди бела дня. И все свидетели дают показания против вас. Они считают, что кто-то из вас выбросил надоедливую посетителя из окна, а так, как по их убежденности, у нас царит дух корпоративности, где рука руку моет, и где ворон ворону глаз не выклюет, то всё у нас в порядке, ни к чему не подкопаешься. Всё, как они говорят, шито-крыто. Кто-то из вас сбрасывает просителя с третьего этажа, и тут же внизу другой кто-то из нас прячет тело, да так, что уже никто не может найти концов. Полная безнаказанность и покрывало непроницаемости, как считают они. Это они такое говорят на улицах о нас с вами. Сейчас этот случай раздут до вселенского размера. Сейчас все будут говорить об этом постоянно. Уже и пресса оживилась. Этим стервятникам только и подавай жаренное. Они падки на трупы как вороны на падаль. Уже говорят об этом происшествии как о деле чрезвычайной важности. Под угрозой наша профессиональная этика. А мне кажется, что это дело – сплошная провокация, в котором задействован весь этот народ. Ну, допустим, если даже бы произошел такой случай, так неужели бы вы не рассказали мне обо всём этом честно?

Воротников опять вперил в нас свой пристальный взгляд.

– Ну, конечно же, мы рассказали бы вам обо всём в первую очередь, – Сергей Андреевич опять принял стойку защиты.

– Я так и думал, – успокоился начальник, – такого происшествия не может быть в мире, потому что оно не реально. Как так могло случиться, чтобы произошло выпадение из окна, и не осталось никаких следов? Нет, такое практически невозможно. А мы вынуждены в страхе метаться по зданию, объясняться с ними, доказывая, что мы не верблюды, не волки и не шакалы. Как это вам нравится?

Воротников затушил окурок сигареты о столешницу Сергея Андреевича и бросил его в мусорную корзину. Затем он расслабил узел галстука на тесном воротничке рубашки. Расстегнув верхнюю пуговицу, он достал из кармана носовой платок и вытер им толстую потную шею.

– Так что будем делать? – спросил он.

Мы оба пожали плечами и не произнесли ни слова.

– Придётся отменить сегодняшний приём, – сказал он, – я сейчас выйду к народу и объявлю им, что сегодня приём окончен. А вы оба оставайтесь в кабинете до окончания внутреннего расследования, и напишите мне обо всём этом докладную записку.

– О чём писать-то? – спросил Сергей Андреевич и поморщился.

– Напишите о том, что здесь произошло. А если ничего не произошло, то так и напишите. Если бы эта полнейшая нелепица случилась бы в действительности, то мир бы перевернулся. Но в доказательство того, что этого не может быть, и что мы ещё не совсем рехнулись, нужно отразить ваше мнение, чтобы свидетельствовать против этой глупости. Нам всем, как я думаю, предстоит ещё долгое разбирательство. Чем больше будет раздуваться эта невероятная история, тем больше она может приобрести черты реальности, если мы не положим ей решительный конец. Уж поверьте мне, старому администратору. Нашему народу палец в рот не клади, откусят в мгновение ока. Именно так из мухи делают слона.

– Но если нет даже мухи? – спросил его Сергей Андреевич.

– Тогда слона делают из воздуха. Всё это очень неприятно для нас.

Воротников выглянул в коридор и тут же быстро захлопнул дверь.

– Просителей набилось в коридор как арбузных семечек, яблоку некуда упасть. Все о чём-то говорят, что-то взволнованно обсуждают.

Мы с Сергеем Андреевичем с тревогой слышали ропот толпы в коридоре, похожий на беспрерывный гул.

– Загайтесь как мышки, – сказал Воротников, – и головы не высовывайте в коридор. А я пойду, разберусь, узнаю, что там происходит.

Воротников выскользнул в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Мы остались вдвоём в полной тишине. Прошло некоторое время, мы продолжали сидеть молча, прислушиваясь к нарастающему гулу в коридоре. Временами нам казалось, что слышны были отдельные крики. Затем раздался топот ног, как будто стая носорогов пронеслась по коридору. Затем всё стихло.

– Да, скверная история, – наконец сказал Сергей Андреевич, которого явно угнетала эта зловещая тишина.

Я кивнул головой, но ничего не ответил.

– Спасибо, что вы меня поддержали, – снова заговорил он, не дождавшись моего ответа. – Я ничего не стал говорить об этом человеке. А потом, что бы я сказал? Что человек выбросился в окно, и этим самым признал бы наличие того факта, что этот человек находился в нашем кабинете. А потом что? Ну, признали бы мы, что этот бомж был у нас. Но как он к нам попал – это тоже вопрос. Полиция его не зарегистрировала, не выписала ему пропуск, потому что у него нет паспорта. И вообще, в своем настоящем статусе он даже не являлся гражданином, нормальным человеком, а так, пустое место. Что такое бомж? Трава перекаати-поле. Вряд ли кто-то ведёт их учёт в нашем государстве. Их просто никто не замечает. Я, вот, даже представить себе не могу, как он к нам попал, может быть, проник в наше здание по канализационным переходам или через вентиляционную шахту, как ветер. А раз так, то мы с полным правом можем заявить, что этого человека здесь не было.

– Но ведь он был же, – возразил я ему.

– Да был, – ответил Сергей Андреевич, – но вы с вами его не видели.

– Я его видел, – настаивал я.

– Так почему же вы тогда не сказали об этом нашему начальнику Воротникову?

Я пожал плечами, не найдя ответа на этот вопрос.

– Вот видите, – обрадовался Сергей Андреевич, – он появился у нас как ангел. Как ангел и исчез.

– Но его видели другие посетители, – опять возразил я.

– Да мало ли кто его видел! – воскликнул Сергей Андреевич. – И где он сейчас? Его никто не может найти. Это был просто обман зрения. Мираж. Общая галлюцинация. Если меня второй раз спросят, видел, ли я кого-нибудь здесь? Я второй раз скажу, что никого не видел. А если вы скажете, что кого-то видели, то поставите себя в дурацкое положение. Потому что первый раз вы никого не видели, а второй раз друг увидели. Не странно ли? Советую вам не менять своего свидетельства, иначе о вас подумают бог весть что.

– Так кто же это был? – спросил я, больше обращаясь к себе и думая о шаре, который сопровождал меня на работу.

– Это не нашего с вами ума дело. И не ломайте себе голову, а лучше всего, забудьте о том, что здесь произошло. Так вам самим станет легче. Зачем вникать во всякие таинственные загадки, стараться разобраться во всяких природных феноменах? Меньше думаешь, крепче спишь. Разве нам своих забот не хватает? И не забывайте, что мы с вами официальные лица. И нам нужно иметь всегда здравый ум и ясное представление обо всём, что происходит вокруг нас. Мы и так всегда в меньшинстве и на виду у народа. Поэтому нам нужно носить защитный панцирь или костюм, подобный тому, что носили средневековые рыцари, только невидимый. Если мы не наденем на себя в этот панцирь, то умрём от отчаяния, от собственной беззащитности, потому что и так все нас ненавидят за наше особое положение в обществе. А эти невидимые латы спасут нас от стрел ненависти, которые постоянно летят в нашу сторону. Ведь народ ненавидит нас как своих сатрапов, и всегда чего-то от нас хочет. Да, да, при всей своей ненависти, они хотят от нас что-то получить, а когда мы не можем дать это им, то они начинают нас ненавидеть вдвойне. Они внешне вроде бы как нас уважают, здороваются с нами, а внутри себя скрепят зубами от одного только нашего вида. А как же иначе? Ведь мы – чиновники, облечённые властью. С нами лучше не ссориться, считают они. А за глаза все они говорят о нас такие гадости, которые вам и не снились. И если не иметь этого панциря, то можно пропасть от их косых взглядов, от язвительных реплик, от прямой ненависти, когда вам смотрят в глаза, и губы беззвучно двигаются, как бы произнося: «Попадись мне в пустом переулке, за всё заплатишь». Не дай бог, если начнётся какой-нибудь бунт, в первую очередь оторвут головы нам с вами, как представителям власти. Они-то уж нам отомстят за весь административный порядок и за те ошибки, которые иногда случаются не по нашей вине.

Сергей Андреевич вытащил из кармана цветастый носовой платок и высморкался в него, затем им же протёр глаза. Можно было подумать, что он это сделал от расстройства, и не иначе как плачет.

– Это нам-то, их верным слугам, которые никогда не переходят границ превышения власти, – продолжил он свои жалобы, – самым дисциплинированным и верным их слугам они хотят засадить в спину нож. Они ставят нам в вину всё, что считают нужным, будь то их унижение, когда они толпятся в коридорах, ожидая своей очереди, или оставшиеся без удовлетворения просьбы, которые мы не можем вовремя рассмотреть, потому что их требования часто расходятся с буквами закона. Они припомнят нам и наши особые служебные возможности, и наше положение, которых у них нет. Мы расплатимся также за наши полномочия, которых они не имеют, и которые мы используем только в рамках закона. Они принесут нас на заклание, как жертву своей понятной только им справедливости, и они будут считать, что они правы, и что они не убийцы, а поборники справедливости, потому что законы на них не распространяются. Мы с вами будем для них всегда вне закона, потому что они создают свой собственный закон и провозглашают только свою истину. И их истина будет всегда отличаться от нашей истины настолько же, насколько, как они полагают, мы отличаемся от них. Это испокон веков было так, когда власть предрержащие и обслуживающие закон объявлялись вне закона. Про-

исходила революция, старая власть безжалостно уничтожалась, на её месте возникала новая. И она существовала до полного разочарования народа. И тогда эту власть опять уничтожали, придумывая ей взамен нечто новое.

Сергей Андреевич замолчал, задумчиво уставившись в одну точку в голубом небе за окном. На улице солнце припекало по-летнему. Птицы щебетали в зелёной листве деревьев. Слышалось шуршание шин, стук женских каблуков по асфальту, разговоры прохожих. Время подходило к обеду, однако мы не смели покинуть наш кабинет, ожидая своей участи. Мне совсем не хотелось поддерживать разговор, принявший форму сетования на нашу жалкую чиновничью жизнь, поэтому я встал из-за стола, подошёл к шкафу и вытащил наугад из кипы бумаг первые попавшиеся мне под руку четыре папки с делами. Сев на своё место, я открыл их и углубился в чтение.

Эти папки имели довольно странные надписи, оставленные ещё нашими предшественниками. На первой стояла надпись «Потерявшийся человек». На других: «Нашедшийся человек», «Ищущий себя человек» и «Нашедший себя человек». Положив перед собой эти папки, я долго их разглядывал. Интересно, подумал я, в какую папку мог бы себя поместить? Несомненно, я бы поместил себя в папку «Ищущий себя человек». Я открыл эту папку, и она оказалась пустой. Я открыл папку «Нашедший себя человек», и там тоже не было никаких документов. В папке «Потерявшийся человек» было всего одно дело.

В этом деле излагалась довольно странная история о том, как один мужчина, возвращаясь вечером домой, встретил человека, абсолютно похожего на него. Его привлекла ни только внешность незнакомца, но и схожесть в одежде с ним. Он не удержался и спросил, откуда тот прибыл. Незнакомец назвал город, где живёт, и цель своего приезда. Оказалось, что незнакомец приехал специально для встречи с ним. Податель этого заявления не поверил своим ушам и заподозрил неладное. По словам того незнакомца выходило так, что их жизненные пути не только пересеклись в прошлом, но и долгое время шли параллельно друг другу. До поры зрелости, как утверждал незнакомец, они жили вместе в одном доме, дружили и были неразлучны, как два брата-близнеца, но потом они расстались по причине разных устремлений. По утверждению незнакомца, их детство и юность прошли вместе. Затем судьба разметала их по белому свету. «Странно, – сказал податель заявления, – но я вас совсем не помню». Незнакомец не удивился, а заметил, что податель заявления всегда отличался плохой памятью и пренебрежительным отношением к своим друзьям. Затем он привёл ряд таких подробностей из жизни этого человека, что у того глаза на лоб полезли. Но как не напрягал он свою память, не мог вспомнить, встречал ли он в своей жизни того незнакомца или нет. Набравшись храбрости, он спросил его: «Собственно говоря, чего вы от меня хотите?» И тот ответил, не моргнув глазом: «Я хочу вас заменить». «Как?» – удивился податель заявления. И тот нахально ответил ему: «Вы скоро умрёте. Но у вас есть семья. Кто будут заботиться о ней?» Податель заявления, услышав эти слова, чуть было не пустил в ход кулаки, но вдруг незнакомец исчез, как будто растворился в воздухе. Вернувшись домой, податель заявления понял, что незнакомец уже побывал у него дома, потому что, когда он потребовал у жены ужина, та стала его упрекать в забывчивости, сказав, что он только час назад поужинал со всей семьёй, а потом решил прогуляться.

Прочитав это заявление, я обратил внимание на дату его подачи. С тех пор прошло уже два года.

– Странный случай, – сказал я, – отложив, папку в сторону.

– О чём это вы? – спросил Сергей Андреевич, всё ещё пребывая в угнетённом состоянии духа.

– Я имею в виду тот случай, когда податель заявление увидел своего двойника.

– М-да, – задумчиво произнёс Сергей Андреевич, припоминая этот случай, – тогда мне пришлось заниматься им. Дело странное, так до конца и не доведённое.

– Почему? – спросил я его.

– Позже, где-то, через полгода после того заявления, приходила к нам его жена и утверждала, что, как будто, ей подменили мужа.

– И в чём это выразилось?

– Она вроде бы и признавала его и не признавала. Говорила, что в его поведении появились разные странности. Некоторых людей он не узнавал, но зато в каких-то областях стал проявлять такие знания, которых раньше у него не было. А всё это произошло после того, как однажды он отправился с товарищами в лес собирать ягоду, отстал от товарищей и потерялся в лесу. Его искали целую неделю, а потом он вышел из леса очень похудевшим, как видно, голодал и испытал какое-то потрясение. На этой почве, вероятно, и случилось его психическое расстройство. Дома он не мог найти своих вещей, придя на работу, долгое время не мог оклематься. Его пришлось заново переучивать его профессии. Но зато в нём открылись новые таланты. Оттуда-то в нём вдруг проявились знания немецкого языка, который он раньше совсем нигде не учил. К тому же он стал хорошо петь и играть на гитаре. Некоторое время он находился под наблюдением врача, но затем всё у них наладилось. Жена забрала своё заявление назад, и даже была им довольна, потому что он начал быстро продвигаться по службе. Вот такие дела.

– Почему же вы не отдали это дело в архив? – спросил я его.

– Мы хотели отдать, но позже произошло одно событие, которое помешало это сделать.

Дело в том...

Тут дверь нашего кабинета открылась, и на пороге появился наш начальник Воротников.

– Вот что, – сказал он, остановившись на пороге нашего кабинета, – спуститесь сейчас в буфет и пообедайте, после чего подниметесь оба в кабинет начальника управления. Предстоит ваше объяснение перед комиссией.

– Перед какой комиссией? – встрепенулся Сергей Андреевич.

– Перед комиссией по расследованию этого происшествия. Не теряйте времени. Обедайте и живо наверх.

Он закрыл дверь, а нам ничего не оставалось, как спуститься вниз и наскоро пообедать в буфете.

Комиссия состояла из шести человек. Кроме нашего начальника за столом сидел управляющий делами, заведующий канцелярией, секретарь градоначальника, и ещё двое незнакомых нам мужчин среднего возраста и одного роста в одинаковых темных костюмах.

– Итак, – объявил управляющий делами, когда мы уселись на поставленные перед столом на некотором удалении стулья, – что вы скажете по поводу всего случившегося?

– А что случилось? – спросил его Сергей Андреевич, напустив на себя невинный вид.

– Вы разве не знаете, что из вашего окна выпал человек? – спросил управляющий, почему-то обращаясь ко мне.

Я пожал плечами и ничего не ответил.

– Вот они, голубчики, полюбуйте на них! – воскликнул управляющий, призывая в свидетели присутствующих. – Они даже не ведают, что у них происходит в кабинете.

– Но позвольте! – повысил голос Сергей Андреевич. – Мы с моим товарищем с утра никуда не отлучались, всё время вели приём граждан, и вдруг кто-то заявляет, что мы кого-то выкинули в окно. Это самый настоящий бред сивой кобылы. Жаль, что вы в это поверили, господин управляющий.

– Я не сказал, что поверил в это, но мы должны провести тщательное расследование, чтобы выяснить истину, имело место это происшествие на самом деле, или нет. Положение вещей таково, что мы обязаны рассмотреть все версии этого события. Допустим, что по каким-то обстоятельствам вы оба пришли на работу не в духе. У одного могли быть личные проблемы жизни, у другого – нелады с женой или ещё какие-нибудь иные расстройства: болезнь

внука, бессонная ночь, материальные затруднения, похмелье или, просто, кто-то из вас встал не с той ноги. Всё могло быть. Одним словом, предположим, что оба вы пришли на работу в состояние гнева, когда хочется кого-нибудь убить. А тут ещё этот приём посетителей, от которого у вас голова идёт кругом. Нахальные и навязчивые просители, которые донимают вас своими нуждами и задают всякие мерзкие вопросы, не имеющие никого отношению к их делу. Я вас прекрасно понимаю. Потому что возможность убить человека прямо у себя в кабинете представляется нам каждому, и на каждом шагу. Они донимают нас всякими дурацкими требованиями, доводят до белого каления, а мы не можем выйти из себя, сказать им в глаза всё, что о них думаем, потому что мы считаемся официальными лицами, не можем проявлять эмоций и должны придерживаться профессиональной этики. Но внутри-то у нас всё свербит, так и хочется двинуть этому посетителю кулаком по роже, загнать его под стол и отдубасить ногами как последнюю скотину. А мы вынуждены ему улыбаться, строить умильные физиономии и говорить вежливые слов. Всё это время пока работаю здесь, я постоянно думаю только об одном, когда же это случится, и кто первым из наших служащих отважится наконец-то выбросить из окна этого мерзкого посетителя. И вот оно свершается. Среди нас нашлись молодцы-смельчаки, которые осуществили мечту всей нашей управы. Они хватают за ноги посетителя и выбрасывают его из окна. Притом, сила их ненависти такова, что проситель вылетает из окна как пушечное ядро из жерла, и падает неведомо где. И его никто не может найти возле управы. Всё шито-крыто. Свидетелей – масса, а брошенного тела нет. Молодцы, да и только!

Управляющий посмотрел на нас с восхищением.

– Во всей управе нужно забить окна, чтобы служащие не могли выбрасывать из них посетителей, – делает предложение со своего места секретарь градоначальника.

– Тогда они начнут их душить прямо в своих кабинетах, разделять трупы и выносить из управы по частям после окончания работы, – заявил управляющий. – По своему опыту я знаю, если уж создан прецедент, то он обязательно будет повторяться, а потом войдёт в обыденную практику. Так уж устроен человек, стоит ему переступить определённую черту, то он уже катится по наклонной. Любый пример, если он находит отклик в душах других, заразителен.

– Но этого не было, – опять возразил Сергей Андреевич.

– Даже если это и случилось, вы же всё равно не сознаетесь, – настаивал управляющий на своём, – но сейчас это не главное. А главное то, чтобы в дальнейшем, когда это дело начнёт улаживаться, у вас не сдали нервы, и вы не признались в содеянном преступлении.

– Но я могу хоть чем поклясться, что ни я, ни мой товарищ, не выбрасывали посетителя из окна! – возбуждённо воскликнул Сергей Андреевич.

– Вот и прекрасно, – сказал управляющий. – Нам не нужны осложнения.

– Но как успокоить народ, который бурлит возмущением от якобы содеянного преступления? – спросил секретарь градоначальника. – И что я доложу шефу? Как замять это дело?

– Для начала нужно инициировать процесс, – предложил один из присутствующих, которого мы даже не знали имени, но знали, что он контролёр, как и сидячий рядом с ним чиновник.

Я внимательно рассмотрел их, и они показались мне похожими друг на друга, как братья близнецы. Оба они были высокими, худыми и подтянутыми с военной выправкой в белых рубашках, в чёрных костюмах и с черными галстуками.

– Какой процесс? – спросил управляющий.

– Процесс по расследованию этого инцидента, – ответил тот.

– Но инцидента, как такового, не было, – заметил управляющий.

– Не важно, – ответил тот, – дыма без огня не бывает.

– Я бы очень не хотел, чтобы это дело раздувалось и нами, – робко заметил управляющий.

– Такой порядок, – сказал второй контролёр, – если есть слух, но должно быть расследование. Вы что же, думаете, что у нас так всё просто? Мы всегда должны реагировать на просьбы

и жалобы граждан. И если уж заварилось такое дело, что полгорода возмущено вашей работой, то необходимо обстоятельное расследование.

– Но я знаю этих работников давно, – подал свой голос с места начальник канцелярии, – за всю их службу на них не было ни одного нарекания.

– Эти двое моих служащих лучшие работники в нашем управлении, – подтвердил слова своего шефа начальник нашего отдела Воротников.

– Не важно, – ответил первый контролёр, – раз возникло это дело, нужно расследование.

– Может быть, не будем выносить мусор из избы, – опять робко попытался утихомирить контролёров управляющий, – от этого никому не будет пользы.

– Да что вы такое говорите?! Это – государство, или частная лавочка? – возмутился второй контролёр. – Мы добиваемся одного, чтобы произошло расследование по поводу случившего инцидента, и виновники его были строго наказаны. Не забывайте, что государственная машина карает и, прежде всего, тех, кто состоит в её рядах. Испорченные детали машины нужно срочно заменять, иначе машина не сможет функционировать эффективно.

– Но, по сути говоря, и дела-то никакого нет, – сказал управляющий. – Ведь они оба заявили, что не было никакого посетителя.

– А свидетели?! – строго повысил голос первый контролёр. – Вы хотите отмахнуться от свидетельских показаний? Если бы это было одно показание, а то их множество.

– А нельзя ли это отнести к явлению массовой галлюцинации? – высказал предположение управляющий.

– Вот для этого и нужно нам провести тщательное расследование, – в один голос заявили оба контролёра.

– Нам нужны очень быстрые действия, чтобы я уже сейчас мог доложить шефу, какие приняты меры, – вмешался в их препирательства секретарь градоначальника. – Если начнётся долгий процесс, которому не будет ни конца, ни края, то это только покачнёт репутацию нашей управы и ещё больше возбудит против нас народ в городе.

– Я абсолютно согласен с вами, – радостно воскликнул управляющий, неожиданно нашедший поддержку со стороны секретаря градоначальника.

Ему согласно кивнули начальник канцелярии и Воротников.

– Вы, конечно, можете, принять свои меры, – заявил присутствующим первый контролёр, – но мы этого дела так не оставим, и будем продолжать своё внутреннее расследование, чтобы поддержать в чистоте репутацию власти.

– Ради Бога, – оживился управляющий, – делайте своё дело, а мы будем делать своё. Но как нам уладить это дело сейчас?

По-видимому, этот вопрос относился к начальнику канцелярии и секретарю градоначальника.

Начальник канцелярии поморщил нос, почесал затылок и изрёк.

– Нам предстоит провести сокращение штатов. Я думаю, что сейчас настал именно тот случай, когда одного из этих работников нужно уволить.

– Прекрасное решение! – воскликнул управляющий. – И кого вы хотите уволить?

– Это уж пусть они выберут сами, – сказал начальник канцелярии и отвёл от нас взгляд. Мы с Сергеем Андреевичем переглянулись.

– В таком случае, – заявил я, – увольняйте меня.

– Вы чувствуете за собой вину? – тут же уцепился за мои слова контролёр.

– Нет, – ответил я, – просто у Сергея Андреевича большое семейство, которое ему нужно содержать, а я одинок.

На этом и порешили.

Когда мы покинули комиссию и вернулись в наш кабинет, Сергей Андреевич крепко пожал мне руку.

– Вы поступили очень благородно, – горячо сказал он, – я буду вам признателен по гроб жизни.

– Не стоит благодарности, – ответил я, улыбнувшись, – я ещё утром утверждал, что буду уволен.

– Вы просто прорицатель, – изумился он.

Я опять вспомнил о хрустальном шаре, который предсказал мне ход событий этого дня.

К вечеру я подписал у всех обходной лист, сдал дела и получил расчёт. Собрав свои вещи из письменного стола, я крепко пожал руку Сергею Андреевичу и пожелал ему оставаться на работе, как можно дольше. По его виду я понял, что ему грустно расставаться со мной.

Выйдя из управы, я заскочил домой, чтобы переодеться и успеть на вечерний автобус. Хрустального шара надо мной уже не было. Я даже не заметил, когда он исчез. А может быть, ему просто надоело всё время оставаться на одном месте и наблюдать за тем, что у нас происходило.

Дома я наскоро перекусил и, прихватив дорожную сумку, отправился на автовокзал. Очередь из пяти-шести человек ждала мой номер автобуса. Среди них я увидел моего бывшего сослуживца и приятеля Молотилина. Он тоже был на пенсии, но ещё где-то работал, а по вечерам уезжал на дачу, чтобы утром вернуться прямо на работу. Молотилин любил одиночество, но при встрече со мной всегда не прочь был поболтать.

– С сегодняшнего дня я свободен, – объявил я ему, – могу делать всё, что захочу.

– Уволили? – спросил он меня сочувственно.

– Сократили, – уточнил я, улыбнувшись.

– Да, – сказал он, покачав головой, – нас гонят отовсюду. Мы стали им не нужны. Если бы ещё обеспечили нам достойную жизнь. А то наша пенсия – курам на смех.

Я согласился с ним.

– Что собираешься делать?

– Буду отдыхать, и вспоминать прошлое.

– Неплохое занятие, – заметил он, – я тоже часто вспоминаю прошлое. В нашем возрасте, наверное, все так делают. А вот то, что ты потерял работу – жаль. Деньги дают некоторую независимость.

– А я считаю, что деньги лишают человека независимости.

– И так можно сказать, – согласился он со мной.

Подошёл наш автобус. Мы сели в него, и он тут же отправился. Мы сидели с Молотилиным на последнем сидении. Автобус ехал полупустым, и мы могли свободно разговаривать.

– Жаль, что молодые нас гонят отовсюду, – сказал Молотилин.

Как видно, этот вопрос не давал ему покоя.

– Ну, и что? Я совсем не против этого, – возразил я ему. – Сейчас такое время. Мы рулили, сейчас пусть порулят молодые. Наше время прошло.

– Вот, именно! – воскликнул он. – Всё лучшее уходит с нами. А что остаётся?

– Им жить – им и строить, – ответил я. – Они наследуют наш мир.

– Если бы они его наследовали, – с горечью заметил Молотилин, – а то они его разрушают. Размываются все границы приличия. Не соблюдаются традиции. Уничтожается культура. Разве можно путём самовыражения рушить всё вокруг себе, рубить сук, на котором сидишь.

Мне становилось не очень приятно слушать его стариковские речи, но я не знал, о чём ещё с ним можно было поговорить. Автобус выезжал за город. Я увидел красное круглое солнце над горизонтом, чем-то похожее на мой хрустальный шар, когда он сжался до шаровой молнии. «Где же он теперь? – подумал я. – Значит, шар появился утром, чтобы передать мне привет от кого-то из моего прошлого».

– Мне так хочется съездить на родину, – вдруг сказал я, прервав рассуждение Молотилина.

Он посмотрел на меня удивлённо, но тут же ответил, что и его постоянно тянет в родную деревню.

– Нет, – ответил я, – я хотел бы переехать туда насовсем, чтобы там остаться и умереть.

Сказав так, я вдруг вспомнил, что не верю в свою смерть.

– А что, хорошо было на твоей родине? – спросил он меня.

– Замечательно, – ответил я.

– А зачем же ты уехал оттуда?

– Наверное, был дураком.

Автобус съехал с поля в лесок, огненный солнечный шар побежал над макушками деревьев. Он всё ниже и ниже опускался к вершинам, перескакивая через лесные заросли и мелкий кустарник, то вдруг прятался среди листвы, то выскакивал в пролесках, стараясь перемахнуть через новые препятствия.

– И что там было? – спросил меня Молотилин с отстранённым видом, как будто он сам улетел в свои родные края.

– Там происходили такие чудеса, какие тебе и не снились, – сказал я, вспоминая детство.

– Это мне-то не снились чудеса?! – смеясь, сказал Молотилин. – Я родился в деревне. А там случается такое, чего никогда не увидишь в городе. Если хочешь знать, у меня на родине ангелы пели и плясали. Когда они пели, то все плакали, а когда плясали, то все радовались.

– От чего же плакали? – спросил я.

– От чувств, – ответил он.

– Что же это были за ангелы такие? – спросил я, улыбнувшись.

– Не знаю, – ответил он. – Но мы их все видели и радовались их появлению. От их присутствия наша жизнь становилась радостней, а сами мы – добрее.

– И откуда они брались? – спросил я. – Спускались с небес?

– Может быть, – сказал он, – этого точно никто сказать не мог. Они появлялись внезапно и внезапно исчезали. Все они казались нам всегда очень весёлыми, с ними было интересно поболтать. Но когда они появлялись в нашей деревне, то на небе светила радуга, хотя дождя не было.

– Значит, ты лично видел ангела? – спросил я его.

– Не только лицезрел, но и общался с ним.

– И как же он выглядит? Наверное, совсем не так, как представилось в видении пророку Иезекиилю?

– Да уж, конечно! – воскликнул Молотилин. – От такого видения в нашей деревне все бы начали заикаться. Нет, все ангелы были очень добрыми и походили на жителей нашей деревни. Мне кажется, что в этом деле всё зависит от того, кого мы хотим увидеть на небе. Пророк Иезекииль заранее был настроен на грядущие ужасы, и его душа была объята страхом. Поэтому ему и привиделось такое ужасное видение. Ведь мы видим то, что хотим увидеть. Нам при жизни никогда не узнать, что творится там, у них на небесах. Мы же совсем не знаем того мира. К тому же сам наш мир многогранен и многомерен. Если мы даже умрём с вами, наши души могут попасть совсем в разные миры. К чему мы стремимся, туда и попадаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.